В. ЗЕНЗИНОВЪ

РУССКОЕ УСТЬЕ

Antiquary
1987

В. ЗЕНЗИНОВЪ

РУССКОЕ УСТЬЕ

Antiquary
1987

Опубликовано в издательстве "Антиквариат"
Published by ANTIQUARY
594 Chestnut Ridge Rd.,
ORANGE, CT 06477
USA

31 декабря 1911 г.

Сегодня встрѣчаю я новый годъ.

Въ этотъ вечеръ, два года тому назадъ, я сидѣлъ въ свѣтлой, нарядной комнатѣ и чокался бокаломъ шампанскаго. Сегодня я далеко, далеко и вокругъ меня все такъ необычно. Между нами сейчасъ 12.000 верстъ. Я сижу одинъ въ поварнѣ, весело трещитъ въ печкѣ огонь и сердито воетъ въ трубѣ вьюга. Вокругъ голая тундра и на сотни верстъ нѣтъ жилья. Совсѣмъ святочный разсказъ.

Что за бѣда — я зову свою мечту и она послушно приходитъ ко мнѣ...

Почти мѣсяцъ прошелъ, какъ я въ пути — и сегодня, конечно, въ моемъ путешествіи самый интересный день. Это началось небольшимъ вѣтромъ. Пустая, безжизненная тундра съ ровной пеленой снѣга — къ часу дня на нее упали уже сумерки и все вокругъ задернулось сѣрой мутной занавѣсью. Небо слилось со снѣгомъ и казалось, что олени висятъ въ воздухѣ, перебираютъ ногами, но не двигаются съ мѣста. Вѣтеръ становился все сильнѣе — поднималась вьюга. Струи снѣга неслись мимо и съ сухимъ шелестомъ ударяли въ кибитку и скользили по землѣ. Сколько разъ мнѣ казалось, что мы безнадежно заблудились и никуда не выѣдемъ. Наконецъ, остановились передъ бѣлымъ бугромъ, который оказался занесенной снѣгомъ поварней — снѣгомъ же она туго была набита и внутри.

Теперь вечеръ — вьюга разыгралась во всю. — «Буря мглою небо кроетъ»... Свиститъ, гудитъ, снѣгъ сыпетъ на крышу — откроешь дверь, она врывается бѣшенымъ вѣтромъ. А за дверью носятся живые потоки снѣга, валятъ съ ногъ, отнимаютъ дыханіе.

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

Первый день новаго года встрѣчаю въ пути — значитъ ли это, что весь годъ буду странствовать? Дай Богъ, и пусть мой путь приведетъ меня къ желанной цѣли.

Русское Устье, 21 января 1912 г.

Первый день въ Русскомъ Устьѣ.

Не знаю и не понимаю, куда я попалъ. Послѣ полуторамѣсячнаго странствія по якутамъ съ ихъ непонятной рѣчью и чуждой жизнью я вдругъ снова очутился въ Россіи. Свѣтлыя рубленыя избы, вымытый деревянный полъ, выскобленные столы — и чистая русская рѣчь. Лица открытыя, простыя, великорусскія черты лица — нѣтъ и намека на Азію. Это, конечно, Россія, но Россія XVIII-го, быть можетъ даже XVII вѣка. Странные, древніе обороты рѣчи и слова, совершенно патріархальныя, почти идиллическія отношенія. Настоящая Аркадія. При встрѣчахъ и при прощаніи родственники цѣлуются, вечеромъ приходятъ ко мнѣ съ пожеланіемъ спокойной ночи и пріятнаго сна. «Іисусе Христе», «Матерь Божія» — не сходятъ съ ихъ языка. Въ селеніи стоитъ наивная часовенка со старинной тяжелой иконой Богоматери. «Только Она насъ и хранитъ» — убѣжденно сказалъ мнѣ одинъ изъ русскоустинцевъ. Вѣроятно, такъ же вѣрили наши прапрадѣды.

Затрудняюсь даже описывать, какъ меня встрѣтили. Какъ будто я, дѣйствительно, «кумъ королю и солнцу братъ». Не то меня за начальство принимаютъ, не то еще за что-то. Одинъ изъ нихъ началъ свою рѣчь ко мнѣ такими словами: «Ты, Ваше Высокоблагородіе»... Напрасно я ему старался разъяснить свой чинъ и званіе, онъ заставилъ свою жену поднести мнѣ съ поклономъ огромную рыбину въ подарокъ. Боюсь, что мой отказъ его обидѣлъ. Что это — исконная привычка дѣлать «подношенія» всякому, кто похожъ мало-мальски на начальство, или безкорыстный подарокъ?

Русское Устье состоитъ изъ 6 «дымовъ». Ни одного грамотнаго — кромѣ стараго уголовнаго ссыльнаго, играющаго здѣсь роль писаря. Селеніе стоитъ на берегу широкой Индигирки среди безпредѣльной снѣжной пустыни. 120 верстъ сюда ѣхалъ на собакахъ по тундрѣ — первыя 60 верстъ еще встрѣчались небольшіе кустики ивы, потомъ исчезло все, не было ни одного прутика. Ровно, какъ на столѣ. И такъ до самаго моря — отъ Русскаго Устья еще верстъ шестьдесятъ. Снялъ себѣ отдѣльный домикъ съ амба-

ромъ — 20 р. за полгода. Пока не боюсь предстоящаго мнѣ одиночества. Думаю, что сумѣю найти кругомъ и въ людяхъ, и въ природѣ много интереснаго.

Сказать ли правду? Когда я доѣхалъ до этихъ мѣстъ и началъ слушать разсказы о здѣшней жизни отъ мѣстныхъ людей, меня охватила смертная тоска, и на душу навалилась тяжесть. Отсутствіе почты, морозы, вѣтры и вьюги, которыя заносятъ улицы и дома, безпощадное, суровое одиночество, отсутствіе другой ѣды кромѣ рыбы, мысли о невозможности выбраться отсюда — все это меня испугало. Но это была лишь минутная слабость. Я увидѣлъ, наконецъ, самъ это Русское Устье, о которомъ думалъ вотъ уже семь мѣсяцевъ, осмотрѣлся въ немъ и вижу, что страхи эти не такъ страшны. Моя жизнь здѣсь — и внѣшняя и внутренняя — надѣюсь, будетъ интересна, мнѣ удастся, быть можетъ, осуществить свои надежды, а можетъ быть кое-что и сверхъ этого. И въ этомъ далекомъ, далекомъ уголкѣ я проживу такъ, какъ хотѣлъ.

23 января.

Сегодня утромъ, пока я читалъ Пушкина и радовался ему, въ сосѣдней со мной комнатѣ умеръ старикъ. Третьяго дня онъ вмѣстѣ со всѣми встрѣчалъ меня. — «Сколько лѣтъ тебѣ, дѣдъ?» — «Около ста, а видишь, какой я!» — и онъ молодцевато подбоченился. Вечеромъ онъ началъ жаловаться на ушибъ, полученный имъ дней 20 тому назадъ. Кряхтѣлъ и, укладываясь спать въ одной комнатѣ со мной, шепталъ: «Царица небесная, дай уснуть! Іисусе Христе, дай проспать до утра». На другое утро онъ началъ громко стонать и стоналъ безостановочно цѣлыя сутки, не давъ никому ночью заснуть въ домѣ. Во мнѣ онъ вызывалъ этими стонами досаду, потому что они казались мнѣ противными. Я ловилъ себя на томъ, что смотрѣлъ на него съ раздраженіемъ, какъ онъ, сидя на одномъ мѣстѣ и раскачиваясь изъ стороны въ сторону, стоналъ непрестанно и жалобно. И вотъ, сегодня утромъ, когда я былъ погруженъ въ Пушкина, стоны замолкли. Я равнодушно спросилъ: «Что это старикъ-то больше не плачетъ?» — «Померъ онъ»...

Каждая смерть велика и торжественна. Та масса чисто внѣшнихъ впечатлѣній, которыя мнѣ пришлось

испытать за послѣдніе мѣсяцы, вытѣснили изъ сознанія много важнаго и значительнаго для меня, что назрѣвало въ одиночествѣ. Такъ близко прошла смерть — буквально за дверью — и все съ новой силой всплыло снова. Что больше смерти?

Умеръ человѣкъ, а я думаю о томъ, что такъ же могъ умереть и я — для всѣхъ окружающихъ это было бы не большею странностью. Только хлопотъ было бы больше, потому что у меня больше имущества — послѣ старика осталось только то, что было надѣто на немъ.

24 января.

Сегодня вечеромъ я праздную новоселье. Перебрался въ снятую мною юрту, гдѣ буду жить совершенно одинъ и въ полной независимости. Господи, какъ давно ждалъ я этого момента! Вокругъ меня царитъ глубокая тишина и я упиваюсь своимъ одиночествомъ и свободой. Могу думать и мечтать, о чемъ хочу, и всѣ бѣгущія впереди минуты могу наполнить любымъ содержаніемъ — какой выборъ!

26 января/8 февраля.

Первый день моей самостоятельной жизни оконченъ. И смѣхъ и горе! Сколько хлопотъ и заботъ: надо заготовить и растопить ледъ, все время слѣдить за камелькомъ, — а тутъ или дымъ, или холодно, — надо изготовить обѣдъ, наколоть дровъ. Съ кухней я справляюсь еще сносно, а вотъ съ дровами пришлось плохо. До сихъ поръ я кололъ дрова только въ охотку — для забавы, а тутъ они были нужны во что бы то ни стало. Рубить нужно было длинныя, толстыя бревна, выловленныя лѣтомъ изъ рѣки. Ну и замаялся я! Долго и съ великимъ трудомъ копался, пока не столько накололъ, сколько накрошилъ себѣ нужное количество. И смѣшно и досадно — никакъ не думалъ, что это такая трудная вещь. Да, это не книги читать! Зато и безъ огня мнѣ стало такъ жарко, что въ юрту я вернулся мокрый, какъ гусь. Сейчасъ руки у меня кругомъ покрыты царапинами, мозолями, ожогами и стали шершавыми, какъ щетка. Никакія маникюрши въ мірѣ не помогли бы мнѣ сейчасъ.

2/15 февраля.

Вотъ я и устроился болѣе или менѣе. Десять дней ушло на это. За это время я былъ столяромъ,

слесаремъ, печникомъ и не знаю еще кѣмъ и чѣмъ. Пальцы у меня всѣ въ царапинахъ, какъ будто я дрался съ полчищемъ кошекъ. Зато теперь я наслаждаюсь.

Вотъ мой домъ. Онъ состоитъ изъ одной единственной комнаты — шаговъ шесть въ квадратѣ. На востокъ и югъ выходятъ всѣ 4 окна — значитъ солнце у меня съ утра до вечера, — оно тысячами искръ сверкаетъ въ прозрачныхъ льдинахъ, которыя замѣняютъ оконныя стекла. Въ одномъ углу — камелекъ, вещь, какъ оказалось, чрезвычайно несовершенная: когда горитъ — дымитъ, потухнетъ — холодно. То и дѣло приходится бѣгать на крышу закрывать и открывать трубу. Съ собой я поэтому привезъ изъ Усть-Янска желѣзную печь, которую, наконецъ, и устроилъ вмѣсто камелька. Теперь тепло и опрятно. Просто воскресъ съ нею вмѣстѣ. Въ другомъ углу у меня три полки съ книгами — подъ ними календарь, вокругъ котораго я приклеилъ виды Флорѣнціи, вырѣзанные изъ иллюстрированнаго журнала.

Стоитъ мой домикъ на самомъ берегу Индигирки — единственное, говорятъ, лѣтомъ сухое мѣсто здѣсь. Въ немъ есть и уютъ и удобство, а большаго мнѣ и не надо. Конечно, есть въ немъ и темныя стороны: его трудно согрѣть, какъ слѣдуетъ, и рѣдко температура въ немъ поднимается выше 10 градусовъ. Ничего, я одѣтъ тепло. А вотъ за ночь, когда погаснетъ печка, все кругомъ, увы, застываетъ: замерзаютъ чернила въ чернильницѣ, вода въ чайникѣ и умывальникѣ и я танцую по утрамъ, пока не растоплю печки.

Не малую, повидимому, отвѣтственность несутъ за этотъ холодъ мыши, которыя въ изобиліи у меня водятся и, навѣрное, прокопали наружу много дыръ. Имъ я объявилъ непримиримую войну. Долго колебался, но не могъ придти къ другому рѣшенію. И сознаюсь — сегодня я убилъ трехъ. Мнѣ очень жаль этихъ милыхъ звѣрьковъ — у здѣшнихъ густой мѣхъ и коротенькій, коротенькій хвостикъ — но своя рубаха ближе къ тѣлу, это просто борьба за существованіе. Вчера ко мнѣ навѣдалась одна, сегодня четыре, сколько же ждать завтра?

Не знаю, съ чѣмъ можно сравнить мое появленіе въ Русскомъ Устьѣ. Развѣ только съ появленіемъ жителя Марса на землѣ. Пока я разбиралъ свои вещи, все населеніе Русскаго Устья совершало ко мнѣ паломничество. Охи и ахи безъ конца, каждая вещь поражала и потрясала. Но самое сильное до сихъ поръ впечатлѣніе произвела на нихъ керосиновая лампа. Каждая новость съ быстротой молніи разносится по селенію — впрочемъ это не представляетъ большихъ техническихъ затрудненій, такъ какъ съ моимъ пріѣздомъ въ Русскомъ Устьѣ считается всего семь «дымовъ». — «Вынулъ», — разсказывали очевидцы, — «какой-то свѣтлый чайникъ и надѣлъ на него тарелку» (фарфоровый абажуръ, который удалось довезти съ великими предосторожностями). — «Что такое?» — «Не знаемъ». — Вечеромъ любопытство достигло апогея. — «Зажегъ, зажегъ», — восторженно пронеслось по селенію. И ко мнѣ начали приходить «смотрѣть лампу» — приходятъ до сихъ поръ. Вотъ только-что ушла жена моего хозяина, который уступилъ мнѣ свой домъ. — «Что же это свѣтится и какъ снова зажигается?» Ближе Усть-Янска (870 верстъ) лампъ здѣсь не имѣется — даже не знаютъ этого названія, а до Усть-Янска (не дальше) доѣзжали только бывшіе люди. Богачи освѣщаютъ домъ свѣчей, «простонародье» (какъ они сами себя называютъ) — камелькомъ, лучиной и плошкой съ рыбьимъ жиромъ. Признаться, я и самъ обрадовался свѣту, и на душѣ стало весело, когда зажегъ лампу.

Вообще, многія культурныя цѣнности и завоеванія только теперь для меня выяснились.

6 февраля.

Ой-ой-ой, какъ надоѣли мнѣ гости. Эти дни здѣсь происходило такъ называемое «собраніе», на которое изъ всѣхъ окрестностей съѣхались для обсужденія своихъ мѣстныхъ дѣлъ, и потому у меня, кромѣ моихъ обычныхъ посѣтителей, съ утра до ночи толпилась куча пріѣзжихъ, которые разсматривали меня, какъ заморскаго звѣря. Ихъ наивное любопытство часто сильно меня раздражаетъ: всѣ темы для разговоровъ исчерпаны, тогда я сажусь за столъ и стараюсь заниматься своими дѣлами, предоставивъ

себя ихъ любопытнымъ взорамъ. Это молчаливое созерцаніе продолжается часто часъ — два. Сидишь и злишься и все боишься вспыхнуть — тогда я незамѣтно стараюсь себя щипать.

Неожиданно для себя усердно занимаюсь здѣсь медициной. Привезъ съ собой два ящика лекарствъ, медицинскіе справочники и смѣло ставлю діагнозы. Пока что паціенты довольны.

Сейчасъ поздній вечеръ — всѣ давно спятъ, и я отдыхаю отъ гостей. Какой покой!

27 февраля/11 марта.

Какъ я буду жить съ людьми, когда вернусь къ нимъ?

Сегодня у меня случилась большая непріятность. Пробовалъ я одно изъ своихъ ружей—у меня ихъ три. Забылъ вынуть шомполъ и выстрѣлилъ вмѣстѣ съ нимъ. Получился сильный взрывъ и я даже контузилъ себѣ глазъ. Слава Богу, что еще такъ — зарядъ могъ вылетѣть назадъ и прошелъ бы вмѣстѣ съ шомполомъ мнѣ черезъ глазъ и голову, и я теперь былъ бы трупомъ. Мнѣ бы радоваться, а я вмѣсто того сильно разстроился, потому что ружье испорчено и починить его некому. Съ досады жестоко избилъ свою собаченку, которая неприлично себя вела, и прогналъ мальчишку, который сегодня приходилъ ко мнѣ вотъ уже три раза и каждый разъ подолгу сидѣлъ, внимательно слѣдя за каждымъ моимъ движеніемъ. И сейчасъ я злюсь и досадую уже на себя, и мнѣ страшно совѣстно.

28 февраля/12 марта.

Сегодня впервые бродилъ далеко по тундрѣ. Морозъ хотя и не маленькій — 35 градусовъ, но терпѣть можно, потому что въ воздухѣ сравнительно тихо. Солнце соблазнило меня — свѣтитъ на голубомъ ясномъ небѣ, и все кругомъ сіяетъ. Ушелъ далеко, верстъ за пять — ничего кругомъ не видно, кромѣ снѣга. Господи, какая благодать, какая тишина, какой просторъ! Скрипитъ и хруститъ снѣгъ, вѣтеръ утрамбовалъ его сверху, и снѣжная корка выдерживаетъ тяжесть человѣка, а если ломается, то съ гулкимъ звономъ. Какіе узоры разрисовалъ по снѣгу вѣтеръ такъ называемыми «застругами» — совсѣмъ вродѣ

муаровой ткани. Какая пустыня! Я радъ былъ провѣтриться — слишкомъ долго былъ наединѣ съ собой и слишкомъ много дряни накопилось на днѣ души.

2/15 марта.

Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе охватываетъ меня какой-то непонятный страхъ: мнѣ все кажется, что за то время, какъ я буду жить здѣсь въ совершенной оторванности и неизвѣстности, случится что-нибудь страшное, непоправимое. Что это: суевѣріе, предчувствіе? Не знаю. Знаю только то, что разумомъ это чувство нельзя объяснить.

4/17 марта.

Какая-то непонятная тревога все сильнѣе охватываетъ душу. И мысли все такія безпокойныя. А внѣшняя жизнь такъ же тиха, какъ въ крѣпости.

Здѣсь, на рѣкѣ, есть мѣста — съ нихъ вѣтеръ сдулъ снѣгъ, и ледъ чистъ и прозраченъ, какъ хрусталь. Причудливые голубоватые изломы идутъ во всѣхъ направленіяхъ — за ними черно-синяя бездна, въ которой тонутъ взоры. И вотъ эта полная неизвѣстность, которая окружаетъ меня, кажется мнѣ такой же бездной черной... Какъ разгадать ее, какъ заглянуть въ глубину?

Пока я писалъ, неожиданно подкралась весна. Смотрю — льдины въ окнахъ на солнцѣ таютъ изнутри, выскочилъ на воздухъ — солнце свѣтитъ во всю, вѣтеръ замеръ, а на солнцѣ градусникъ показываетъ только 9 градусовъ мороза. Господи, благодать какая! Какой удивительной кажется такая погода послѣ морозовъ и свирѣпыхъ вѣтровъ. Скорѣе гулять. На тундрѣ тишина мертвая. Скрипъ нарты слышенъ за много, много верстъ — какъ будто здѣсь скрипитъ, рядомъ, а посмотришь — еле видно вдали, точно черный червякъ ползетъ. Въ этотъ первый весенній день совершилъ подлость — убилъ зайца. Что подѣлаешь, мнѣ тоже его жалко.

15/28 марта.

На дняхъ я гулялъ на свадьбѣ. Одинъ разъ въ годъ сюда пріѣзжаетъ изъ Аллаихи, (черезъ которую я ѣхалъ — въ 120 верстахъ къ югу отсюда), священникъ и сразу исполняетъ всѣ требы: креститъ, вѣнчаетъ, отпѣваетъ, исповѣдуетъ, причащаетъ — за что

съ каждой семьи получаетъ по 10 рыбъ. Вѣроятно, это единственное мѣсто, гдѣ можно вѣнчаться въ великій постъ: видно, климатъ и географія не въ ладахъ съ каноническими правилами.

Пріѣздъ сюда священника — большое событіе. Такъ какъ Русское Устье для всего Верхоянскаго мѣщанскаго общества, которое живетъ лишь по теченію рѣки Индигирки, главная резиденція, гдѣ помѣщается мѣщанская управа и живутъ мѣщанскій староста и писарь, и такъ какъ кромѣ того здѣсь есть еще часовня, — то къ пріѣзду священника сюда собираются всѣ «постники» (т. е. желающіе говѣть), всѣ нуждающіеся въ крещеніи, вѣнчаніи и отпѣваніи, живущіе по Индигиркѣ между Аллаихой и моремъ. Съѣздъ бываетъ большой, такъ какъ къ этому времени приноравливаютъ также собраніе, на которомъ нужно обсуждать вопросъ о голодающихъ. Къ марту всегда они бываютъ: кончается при плохомъ уловѣ рыба, съѣдены и гуси, которыхъ удалось добыть лѣтомъ близъ моря. Голодающіе заявляютъ о своей нуждѣ обществу и изъ общественной «мангазеи» (амбаръ) имъ выдаютъ рыбу, которую они весной должны вернуть обществу съ надбавкой 10%.

Эти съѣзды — большое общественное событіе. На нихъ торгуютъ, обмѣниваются новостями, высматриваютъ невѣстъ, сватаютъ. Среди «постниковъ» много женщинъ. Живутъ вѣдь здѣсь всѣ маленькими кучками, въ 1-3-7 домовъ, не больше, а тутъ вдругъ собирается свыше сотни душъ. Какое оживленіе! На «улицѣ» то и дѣло встрѣчаются пріѣзжіе въ ярко-пестрыхъ пунцовыхъ и зеленыхъ шарфахъ вокругъ шеи и пояса — послѣдній крикъ мѣстной моды. Кругомъ избъ звѣздами привязаны нарты съ собаками, и внутри бываетъ столпотвореніе вавилонское. Въ каждой избѣ — куча народа, спятъ всѣ вповалку, да и днемъ, кажется, въ нихъ ступить некуда. Хозяева ходятъ озабоченные, голодные — вѣдь нужно всѣхъ накормить, напоить чаемъ, накормить собакъ. По обычаю все это лежитъ на ихъ обязанности — не даромъ всѣ эти хлопоты и возню во время съѣздовъ здѣсь называютъ «битвой».

Маленькую «битву» приходится выдерживать и мнѣ: гости съ утра до вечера. Одни приходятъ позна-

комиться, знакомые — навѣстить, третьи — за совѣтами (часто семейнаго свойства), четвертые — за лекарствомъ. Не обошлось безъ нѣсколькихъ покушенiй заполучить меня въ качествѣ крестнаго отца.

«Сей годъ», какъ здѣсь говорятъ, священникъ задержался: старикъ-пьяница не былъ увѣренъ, что русско-устинцы получили изъ Якутска водку и ждалъ болѣе точныхъ свѣдѣнiй.

Вѣнчался родственникъ старосты, и потому свадьбу «играли» у него. Всѣ обряды и подробности носили странный характеръ.

Сначала у родственниковъ невѣсты былъ «дѣвишникъ», на которомъ пѣли пѣсни. Вотъ одна изъ двѣнадцати:

Брошу, брошу камешекъ во пламячко-огонь,
Ты гори, гори, камешекъ, перегори,
Раздѣлися, камень, на четыре части.
Такое же ваше сердце каменное,
Отдайте меня во чужи люди,
Въ дальню сторону.
Тутъ бѣгаетъ братъ ко родной сестрѣ:
— «Ты не знаешь, наша больша сестра,
— «Отдаютъ нашу сестру въ чужи люди,
— «Въ чужи люди, въ дальню сторону.» —
— «Ты поѣдь, братъ, во чисто поле,
— «Ты сѣки, братъ, засѣку
— «Съ востоку до западу,
— «Не пройти бы ему, не проѣхати,
— «Какъ моему суженому,
— «Какъ съ тѣми было со свахами,
— «Какъ съ тѣми было похожанами,
— «Какъ съ тѣми было съ бояринами.» —

Женихъ съ дружками и «тысяцкимъ» («первый виновникъ свадьбы» и главный распорядитель свадебнаго пира — старикъ-священникъ глубокомысленно называлъ его «архитриклинъ») прiѣзжаютъ за невѣстой везти ее въ церковь. Но невѣсту нужно выкупить. Женихъ стоитъ подъ порогомъ, братъ невѣсты сидитъ за столомъ. Тысяцкiй кладетъ на блюдечко копейку и придвигаетъ блюдечко къ брату. «Не за это я ее поилъ, кормилъ», отвѣчаетъ братъ и отодвигаетъ блюдечко. Тысяцкiй кладетъ еще ко-

пейку, братъ невѣсты опять отодвигаетъ тарелку отъ себя. Такъ до трехъ разъ. Потомъ беретъ невѣсту за руку и выводитъ къ жениху.

Послѣ вѣнчанія въ часовенкѣ мальчикъ съ иконой, молодой, молодая, тысяцкій и дружки садятся на нарту и собаки мчатъ ее стрѣлой къ дому старосты — въ двухъ шагахъ. Это было интересное зрѣлище — на собакахъ упряжь разукрашена, ремни обшиты краснымъ и зеленымъ (излюбленные цвѣта на сѣверѣ, какъ самые яркіе, вѣроятно) сукномъ. У дома молодыхъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ—солью, мать и отецъ — съ иконой.

Поютъ:

Не были вѣтры, навѣяли,
Не жданы гости, наѣхали.
Соколъ летитъ, земля ютитъ.

Столы въ домѣ старосты сдвинуты вмѣстѣ, на нихъ пироги съ рыбой, кучи вареной рыбы, оленье мясо и въ центрѣ, какъ на старинныхъ боярскихъ пирахъ, огромный зажареный лебедь, окруженный рядомъ бутылокъ съ водкой. Молодыхъ садятъ подъ иконой, рядомъ съ ними почетные гости: батюшка, я, дьячокъ, писарь, — дальше за столами «простонародье». Тысяцкій и староста на-перебой угощаютъ, наливаютъ вино. Передъ молодой держатъ зеркало, закрываютъ ее отъ присутствующихъ платкомъ, женихъ стыдливо отворачивается, и двѣ женщины «крутятъ голову», т. е. убираютъ заплетенныя на дѣвишникѣ косы молодой подъ платокъ.

Въ это время поютъ:

Сѣмена мои сахарныя,
Ужъ къ чему вы много уродилися,
Ужъ немножечко васъ я, млада, посѣяла,
Какъ съ перваго поля до Кіева
До второго поля до Чернѣева (Чернигова?).
Между этими двумя полями,
Между этими двумя широкими
Не бѣла лебедь въ полѣ воскликала,
Не черна сурна*) въ полѣ возрыдала,
Тутъ расплакалась душа красна дѣвица,

*) Многихъ словъ сами поющіе не понимаютъ и въ оправданіе говорятъ, что „изъ пѣсни слова не выкинешь“.

По своей по русѣ косѣ,
По своей дѣвичьей красотѣ.
Часъ таперите русу косу не чесывать,
Золотъ кустикъ не приплетывать,
Со Варварушкой серебряною,
Со другою — позолоченой.

Кромѣ пѣсенъ были и танцы. Пляска — мало интересна: неуклюжій намекъ на «русскую» съ платочкомъ. Танцы шли подъ плясовую:

По мосту-мосточку,
По калиновому,
Туда шелъ, пошелъ дѣтинушка молоденькій,
Молоденькій, пріуборненькій;
На немъ голевый кафтанецъ,
Сволки дуются,
Раздуваются,
Мать калиная рубашечка алѣется,
На шейкѣ-то платокъ,
Аленькій цвѣтокъ,
Въ карманницѣ другой,
Тальнинскій голубой.
Во правой ручкѣ тросточка камышевая,
На тросточкѣ ленточка пофитовая.
Самъ съ тросточкой помахиваетъ,
Пофитовой ленточкой похваляется.
— «Ахъ, ленточка ала, мнѣ сударушка дала,
Дала, дала сударушка,
Пожаловала,
Пустила сухоту по моему животу,
Разсыпала печаль по моимъ яснымъ очамъ *).

Мотивы всѣхъ старинныхъ пѣсенъ большею частью протяжны, «проголосны» — и я очень жалѣю, что не умѣю ихъ записать. Много было еще интересныхъ пѣсенъ, да всего не разскажешь.

Слава Богу, на этомъ пиру я отдѣлался «только» пятью рюмками и, когда уходилъ, староста настоялъ, чтобы меня проводили до самаго дома. Напрасно я отказывался и увѣрялъ, что совершенно трезвъ и самъ найду дорогу — «нельзя, это дѣлается изъ уваженія». — «Вотъ, — говорилъ онъ молодымъ, — смотрите,

*) Развѣ послѣдняя строфа не прелесть!

чувствуйте, кто у васъ на свадьбѣ гуляетъ!» — и онъ кивалъ головой на священника и меня, — и молодые молча кланялись намъ въ поясъ.

Сегодня у насъ здѣсь разсказывали «новости». Разсказывали, что выѣхавшіе отсюда въ Колыму, (съ которыми я такъ хотѣлъ ѣхать и которые повезли мои письма), встрѣтили на дорогѣ чукчей, убившихъ почти на глазахъ у нихъ двухъ большихъ бѣлыхъ медвѣдей «съ двумя цыпленками», т. е. молодыми. Новость эту привезъ за 50 верстъ одинъ русскій мѣщанинъ, который пріѣхалъ спеціально ко мнѣ за лекарствомъ для своей заболѣвшей тетки. Да, я лечу: принялъ уже около 30 человѣкъ — и слава моя растетъ и, что удивительнѣе всего, паціентамъ, дѣйствительно, помогаю, хотя самъ себѣ напоминаю Жиль-Блаза, который отъ всѣхъ болѣзней лечилъ однимъ и тѣмъ же: очистительнымъ и кровопусканіемъ.

Эта тетрадка дней черезъ 10, т. е. на Пасхѣ, поѣдетъ въ Усть-Янскъ вмѣстѣ съ тѣми русско-устинцами, которые туда ѣдутъ сдавать купцамъ песцовъ. Тамъ она, вѣроятно, пролежитъ до апрѣля, потомъ вмѣстѣ съ усть-янскими купцами двинется на Булунъ и только въ іюнѣ доберется пароходомъ вверхъ по Ленѣ до Якутска. Въ іюлѣ она только будетъ въ Москвѣ... Счастливая тетрадка!

17/30 марта.

Очутился младъ дѣтинушка, незнамой человѣкъ *),
Не знай казанскій, не знай московскій, не знай астраханскій;
Алый бархатный кафтанъ на могучихъ на плечахъ,
Прозументовый платочекъ за конецъ его тащилъ,
Онъ стохамъ (?) офицерушкамъ челомъ не бьетъ,
Астраханскому губернатору подъ судъ не идетъ.
— «Еще завтра поутру мой батюшка будетъ,
Ты умѣй его встрѣчать, да умѣй ты его чествывать».—
Тожна его бѣлы ручки опустилися,
И тожна его рѣзвыя ножки подломилися,
Его буйна голова съ тѣхъ плечъ покатилася,
Тожна то губернатору смерть случилася.

*) „Вотъ какъ ты у насъ, къ примѣру“ — пояснилъ рапсодъ.

Надо взять Пушкина и найти въ его народныхъ пѣсняхъ ту, которая озаглавлена «Изъ легендъ о Стенькѣ Разинѣ», — только у Пушкина эта пѣснь записана много красивѣе и полнѣе. Но какъ закатилась сюда, воистину за тридевять земель, эта маленькая жемчужина? Меня такъ обрадовала эта находка.

Завтра вербное воскресенье, а черезъ недѣлю Пасха.

Злая тоска навалилась на душу. Бываетъ такъ, что давно уже идешь усталый, всей душой думаешь объ отдыхѣ — вотъ вдали показалась желанная цѣль, мѣсто отдыха и покоя, — встрепенешься и снова бодро шагаешь. Но — увы, ты ошибся, здѣсь нѣтъ остановки, нѣтъ отдыха — онъ еще далеко. И снова, стиснувъ зубы, съ мрачной рѣшимостью въ душѣ, шагаешь дальше. Да, шагать надо — впередъ и впередъ.

Все это время я жилъ въ ожиданіи пріѣзда одного знакомаго купца изъ Якутска, съ которымъ мнѣ могли быть письма. Но всѣ сроки прошли — значитъ онъ врядъ ли будетъ сюда...

18 марта.

Меня можно поздравить съ освобожденіемъ изъ плѣна. Да, это была неволя — и неволя суровая. Теперь она миновала, потому что идетъ-гудетъ весна-красна! Все выше карабкается на небо солнышко, и сейчасъ мой день уже длиннѣе московскаго. Льдины я замѣнилъ стеклами — выставилъ «первую раму». Правда, «благовѣстъ ближняго храма, говоръ народа и стукъ колеса» не ворвались въ мою комнату, но ворвалось кое-что получше этого: горячее солнышко. Я не сознавалъ раньше, какъ давили меня эти тяжелыя ледяныя плиты — онѣ были, какъ толстыя матовыя стекла иллюминаторовъ въ корабельной каютѣ: пропускали лишь тусклый свѣтъ и сквозь нихъ ничего нельзя было разсмотрѣть. А теперь солнышко пробралось ко мнѣ, шаловливо горитъ и играетъ на полу.

Тихо въ воздухѣ — солнце припекаетъ на морозѣ, да, «припекаетъ» — совсѣмъ какъ на высокихъ снѣговыхъ горахъ въ яркій день. Дымъ изъ трубъ стоитъ неподвижнымъ столбомъ и упирается въ небо.

Не могу надышаться, не могу насмотрѣться. Воздухъ, какъ кристаллъ, небо прозрачно. Готовъ забыть и простить страшныя вьюги и морозы. Жду первыхъ весеннихъ гостей — «снѣгирьковъ», которые прилетаютъ на «Алексѣевъ день» (17 марта), но что-то ошиблись въ этомъ году съ календаремъ. Первые вѣстники съ далекаго юга...

Можно подумать, что я живу тихой мечтательной жизнью, эгоистически погруженъ въ свои фантазіи и занимаюсь тѣмъ, что глубокомысленно прислушиваюсь къ шуму въ своихъ собственныхъ ушахъ... А можетъ быть, кто-нибудь злорадно киваетъ на меня и говоритъ: «и онъ, какъ другіе, ушелъ въ сторону, покинулъ знамя»... Нѣтъ, не вѣрно ни то, ни другое. Я далекъ отъ покоя, далекъ отъ усталости и разочарованія. Томитъ и волнуетъ душу все прежнее. Знамени я не измѣнилъ и его не предалъ ничему. О борьбѣ мечтаю страстно. И жизнь моя далека отъ тихой мечты или философической меланхоліи. Прекрасна жизнь въ бурѣ и въ дѣйствіи. И не наслаждаюсь я одиночествомъ. Порою, правда, бываетъ хорошо забыть многія человѣческія условности — такъ безконечно далека отъ нихъ эта ледяная пустыня. Но я страстно мечтаю снова вернуться къ жизни, къ людямъ. Судьба назначила мнѣ длинный и извилистый путь, почему же я долженъ опустить шторы на своихъ окнахъ? Нѣтъ, настежь ихъ! Жадными глазами и жадной душой буду вбирать всю жизнь вокругъ, ни на одну минуту не забывая о цѣли, къ которой стремлюсь, не забывая о томъ, что я въ дорогѣ!

Старое не ушло, не убавилось и не измѣнилось, но къ нему прибавилось и приросло новое. Но вѣдь такова жизнь.

19 марта.

У меня на полкѣ лежитъ книга. Я выписалъ ее себѣ въ Якутскъ, когда сидѣлъ въ якутской тюрьмѣ, за одно только заглавіе, которое вычиталъ въ газетахъ: «Муратовъ. Образы Италіи». Еще не знаю, хороша она или плоха. Когда она пришла, и я увидѣлъ красивую обложку, замѣтилъ иллюстраціи, а въ оглавленіи названія Венеціи, Флоренціи, Пизы, — я скорѣе захлопнулъ ее и спряталъ между своими вещами на

2

дно ящика. Я и теперь только издали смотрю на нее, но не открываю. Открою, когда тоска покажется мнѣ здѣсь совсѣмъ невыносимой.

У каждаго, мнѣ кажется, въ душѣ должна быть такая Италія. Страна обѣтованная, къ которой должны нестись всѣ лучшія мечты и упованія. Италія — волшебный сонъ, Италія — чудесная сказка, Италія — поэтическая мечта. Сладкая, нѣжная, убаюкивающая, ласковая. Да, только тамъ, мнѣ кажется, можетъ быть опьяненіе жизнью. Объ этомъ опьяненіи я думаю съ восторгомъ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.
Смѣло, братья! Вѣтромъ полный
Парусъ свой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья.
Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй, —
Будетъ буря, мы поспоримъ
И поборемся мы съ ней.
Смѣло братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ.
Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна,
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.
Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой.
Смѣло, братья! бурей полный
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой!

20 марта.

Прибѣжалъ сейчасъ мальчишка. — «Дядюшка, филинъ сидитъ! Вы только на меня не претендуйте, если его не будетъ, — онъ вѣдь летучій!» — Фу ты, гдѣ онъ такое слово пышное подобралъ! Филинъ, конечно, не дуракъ — его и слѣдъ простылъ, когда мы добрались до того мѣста, гдѣ ребята ставятъ силки на куропатокъ. Филинъ — большой, бѣлый

хищникъ, истребляющій во множествѣ куропатокъ и зайцевъ. Ребята его боятся, потому что лѣтомъ, когда подходятъ къ его гнѣзду, онъ бросается на человѣка, а своими страшными когтями и клювомъ на смерть забиваетъ собаку.

Сегодня какъ-то сразу вдругъ навалилась на меня такая тоска, что я чуть не закричалъ...

Хотѣлъ бы я сейчасъ вдругъ перенестись въ Парижъ.

Тамъ свѣтитъ то же солнце, но все кругомъ уже улыбается и расцвѣтаетъ, развернулись каштаны, весело снуетъ и шумитъ толпа. А здѣсь все еще мертво и солнце свѣтитъ равнодушно. Пошелъ бы я сейчасъ на бульваръ, сѣлъ бы за столикъ кафе, съ наслажденіемъ смотрѣлъ бы на толпу и слушалъ ея веселый шумъ. Передо мною стояла бы чашка кофе — для этого достаточно вынуть изъ кармана 30 сантимовъ, не требуется вовсе предварительно растопить ледъ, наколоть дрова. Господи, какъ удобно! Но не дойти отсюда до парижскаго бульвара — и я поставилъ самоваръ, чтобы прогнать тоску. Онъ весело шумитъ сейчасъ на столѣ и уговариваетъ не вѣшать головы...

Хоть бы гуси скорѣе прилетѣли! Ихъ нужно ждать въ серединѣ мая («около Николы»), потому что Индигирка пройдетъ лишь въ послѣднихъ числахъ мая («послѣ Федосьи»). О, я съ такимъ нетерпѣніемъ жду гусей и лебедей! По разсказамъ, ихъ бываетъ здѣсь и около моря масса. Буду ловить и воспитывать маленькихъ, устрою зоологическій садъ. Не на шутку думаю воспользоваться ими для почты. Въ концѣ лѣта они линяютъ, и тогда ихъ здѣсь ловятъ тысячами. Я заберу нѣсколькихъ въ плѣнъ, подвѣшу къ плѣннику на шею письмо съ адресомъ и отпущу на волю. Осенью они улетаютъ въ далекія страны: Китай, Японію, Индію, сѣверную Африку, быть можетъ мои посланцы попадутъ въ чьи-нибудь руки, и письмо будетъ отправлено по назначенію...

На Благовѣщенье долженъ въ эти края прилетѣть орелъ — ростомъ онъ не меньше лебедя, т. е. около двухъ аршинъ. Пока здѣсь кромѣ куропатокъ нѣтъ другой птицы. Вчера парочка усѣлась прямо подъ моимъ окномъ, шагахъ въ пяти отъ него. Ихъ здѣсь

2*

очень много, и цѣлыми стаями бѣгаютъ по тундрѣ бѣлые пушистые комочки — даже ножки у нихъ мохнатыя. Когда онѣ бѣгаютъ между домами, то напоминаютъ голубей. Онѣ очень миловидны и... вкусны.

Какимъ я здѣсь сталъ кулинаромъ, какія научился дѣлать каши, супы, какъ жарю рыбу! Есть у меня даже книга, которая называется «интеллигентная повариха», и моя стряпня приготовляется по всѣмъ правиламъ науки. Угодно яичницу — какую? Глазунью, омлетъ, яйца vier Minuten gekocht или фри? Сейчасъ! У меня есть гусиныя яйца — каждое въ 2-3 раза больше куринаго, одного хватило бы человѣку на вкусный и сытный завтракъ. У этихъ гусиныхъ яицъ своя исторія. Приходитъ ко мнѣ на дняхъ одинъ человѣкъ съ узелкомъ. — «Вотъ», говоритъ, «послала тебѣ Настасья Терентьевна яицъ гусиныхъ — не оскорбитесь». — Лечилъ я тутъ одну женщину, присылала она ко мнѣ за 50 верстъ за лекарствомъ. Я рѣшительно отъ гонорара этого отказался и объяснилъ почему. Вижу — обижается посланникъ. — «Да вѣдь не платить она тебѣ хотѣла», съ отчаяніемъ въ голосѣ говоритъ онъ, «а гостинецъ тебѣ прислала изъ уваженія, — не обижай». — Пришлось взять, но я до сихъ поръ не знаю, походитъ этотъ «гостинецъ» на «борзыхъ собакъ» или нѣтъ.

23 марта.

Сегодня ровно въ полдень наблюдалъ преинтересное явленіе. На юго-западѣ, почти на горизонтѣ, залегла легкая бѣлая туча. Вверху голубое небо. Весь воздухъ полонъ мельчайшими снѣжными пылинками, похожими на блестки кристалловъ борной или салициловой кислоты, — онѣ тихо падаютъ и двигаются въ воздухѣ въ косомъ направленіи, сверкаютъ и искрятся на солнцѣ. По всему небу, невысоко надъ горизонтомъ, раскинулось колоссальное бѣлое кольцо, вокругъ солнца другое, меньшаго размѣра, и точки пересѣченія обоихъ круговъ переливаютъ радужнымъ свѣтомъ. Это продолжалось минутъ 15, потомъ снѣгъ пересталъ идти, и кольца растаяли. Эти крошечныя снѣжинки такъ сверкали, что слѣпили глаза. Воображеніе нарисовало мнѣ старика съ огромной бѣлой

бородой, который, подобравъ свой хитонъ, присѣлъ на корточки на край облака и съ добродушной улыбкой сыпетъ между пальцами на землю блестки снѣга.

— «Есть у насъ такое повѣрье: передъ Благовѣщеньемъ обязательно долженъ упасть либо снѣгъ, либо пурга. Орелъ объ эту пору прилетаетъ — передъ нимъ это; такъ орлиной пургой и называемъ. Видишь, какъ копотно стало. А потомъ на порошу эту снѣгирьки прилетаютъ». —

И какъ будто въ подтвержденіе словъ этого метереолога, два «снѣгирька», двѣ маленькихъ пестрыхъ птички съ веселымъ чириканьемъ пролетѣли надъ моимъ домомъ. Здравствуйте, дорогіе, долго жданные гости! Значитъ и правда, весна близко!

Недавно странный былъ вечеръ. Еще горѣла вечерняя заря, серебромъ свѣтилась на небѣ луна, робко сверкало нѣсколько звѣздочекъ, а на сѣверѣ, раскинувшись на четверть неба, трепетало и полыхало сѣверное сіяніе. Открылъ дверь — и замеръ на порогѣ.

А днемъ солнце свѣтитъ уже такъ ярко, что по тундрѣ ходить безъ синихъ очковъ невозможно. Бѣдные зайцы — имъ негдѣ достать ихъ, и потому къ веснѣ глаза у нихъ краснѣютъ и видятъ они въ это время плохо. Съ удовольствіемъ пускалъ бы имъ цинковыя капли.

24 марта.

Вернулись сегодня ѣздившіе по песцовымъ ловушкамъ промышленники и разсказываютъ новость: одинъ изъ нихъ близъ моря наѣхалъ на большую бѣлую медвѣдицу «съ дитею» — и убилъ ихъ обоихъ. Какова смѣлость — одинъ на одинъ, вооруженный лишь копьемъ и дрянненькимъ почти кремневымъ ружьишкомъ! Я чуть не заплакалъ отъ досады и зависти. Съ однимъ промышленникомъ я какъ разъ недавно уславливался ѣхать на охоту — ужъ совсѣмъ было онъ согласился, но вдругъ отказался, неизвѣстно почему.

Приходятъ сегодня ко мнѣ. — «Правду ли, дядюшка, баютъ женщины, будто вчера небо открывалось? Вотъ тоже намеднесь двѣ дѣвки въ Станчикѣ разсказывали, будто видѣли небо открытымъ, въ немъ люди ходятъ и свѣчи горятъ. Такъ обѣ и обмерли».

— Хоть и жаль было разрушать эту поэзію, но я увѣрилъ, что это ерунда. — «А не худо это, слышь, что сей годъ Пасха на Благовѣщенье приходится?» —

Мнѣ приходится быть оракуломъ.

25 марта. Пасха.

Христосъ Воскресе!

Эту ночь здѣсь мало спали — выходятъ всѣ —«встрѣчать Христа» съ восходомъ солнца. Я тоже всталъ въ 3 часа — ночи теперь уже совсѣмъ свѣтлыя. Солнце поднялось въ 4 часа (на цѣлый часъ раньше, чѣмъ въ Москвѣ). По бокамъ его стояли два огненныхъ столба, которые предвѣщаютъ пургу или снѣгъ. Про такое солнце здѣсь говорятъ, что оно выходитъ встрѣчать пургу «въ рукавицахъ и малахаѣ».

День офиціальнаго пріема. По правдѣ сказать, я ждалъ его съ нѣкоторой боязнью, потому что мысль о христосованіи со всѣми моими согражданами мнѣ не очень улыбалась. Къ счастью моему, къ празднику всѣ помылись и почистились, да и христосуются какъ-то по старинному — два раза щека со щекой и только въ третій разъ въ губы, поэтому все оказалось не такъ страшно. Отказаться — значило обидѣть всѣхъ. Былъ и я съ визитами. Всѣ расфранчены, ребята въ пестрыхъ рубахахъ, женщины въ широчайшихъ юбкахъ изъ какой-то необыкновенно гремящей матеріи яркаго металлическаго цвѣта. Стаканчикъ вина, строганина, нарѣзанныя ломтиками вареныя яйца гусиныя, чай. Оживленный разговоръ о песцахъ и медвѣдяхъ — по случаю возвращенія съ осмотра ловушекъ, которыя здѣсь зовутся «пастями», и, конечно, безконечный, всегда для всѣхъ интересный, никогда не могущій быть исчерпаннымъ разговоръ о собакахъ — эта главная тема всѣхъ сѣверныхъ разговоровъ.

Время отъ времени отъ часовенки несется звонъ колокола. Каждый молящійся, который заходитъ въ часовню, считаетъ своей обязанностью нѣсколько разъ дернуть за веревку колокола — таковъ обычай. Мнѣ уже предлагали прочитать въ часовнѣ «службу». Положеніе заставило меня быть докторомъ, сватомъ, но не могу же я въ концѣ концовъ быть еще священникомъ!

Есть здѣсь одна необычайно сердобольная женщина. При каждой встрѣчѣ со мной и всякій разъ,

какъ при ней начнется разговоръ обо мнѣ, ея глаза наполняются слезами и она неизмѣнно причитаетъ: «Матушка-то, поди, сейчасъ плачетъ, гдѣ-то, молъ, мое дитятко!» Иначе, какъ «дитятко», она меня не зоветъ — а у «дитятки» въ бородѣ ужъ сѣдина пробивается...

Приходитъ сейчасъ вечеромъ тунгусъ, живущій работникомъ у старосты, — въ рукахъ тарелка, на ней рыбный пирогъ. — «Староста прислалъ тебѣ пирожокъ для праздника — сегодня, молъ, съ нами вмѣстѣ не отобѣдалъ. Не оскорбитесь!» — низко кланяется.

Передъ такими явленіями я совершенно теряюсь — какъ вести себя? Не возьмешь обидишь, а возьмешь — самому неловко. Чистая бѣда!

26 марта.

Кто хочетъ взяться за антрепризу: показывать человѣка, который отвѣдалъ мяса бѣлаго медвѣдя? Я къ его услугамъ. Боюсь послѣ медвѣжьяго мяса сдѣлаться ужаснымъ злючкой. Не потому ли, согласно съ мѣстными преданіями и обычаями, женщины не могутъ отвѣдать медвѣжьяго мяса?

12/25 апрѣля.

Европа мнѣ кажется отсюда такой маленькой. Мнѣ бы хотѣлось очутиться сейчасъ въ самомъ далекомъ уголкѣ ея — всюду тамъ шныряютъ поѣзда и «паровые корабли», какъ смѣшно для насъ называлъ пароходы Пушкинъ, — значитъ, черезъ день-три, наконецъ, недѣлю у меня была бы возможность быть въ любомъ ея мѣстѣ. Всѣ эти сроки мнѣ кажутся чудовищно короткими, а европейскія разстоянія ничтожными. Вѣдь на однихъ оленяхъ я одолѣлъ здѣсь разстояніе, равное почти пути изъ Парижа въ Москву, а ближайшая желѣзная дорога находится сейчасъ отъ меня въ пяти тысячахъ верстахъ.

Почему-то всего больше мнѣ бы хотѣлось сейчасъ быть въ Кельнѣ. Съ какимъ-то страннымъ чувствомъ, почти съ удивленіемъ, я думаю о томъ, что и сейчасъ тамъ ежедневно гремятъ поѣзда, бѣгаютъ газетчики, кельнера, портье громогласно и совершенно непонятно выкрикиваетъ время прихода и отхода поѣздовъ. Неужели, правда, все это сейчасъ существуетъ? Я знаю, что это такъ, но не понимаю этого.

Вдругъ, прорѣзавъ тьму — не вѣковъ, а разстоянія — я упалъ бы сверху черезъ стеклянную крышу вокзала на перронъ, какъ разъ у входа въ залу II класса. Спокойно, не торопясь, я вошелъ бы въ залу, подошелъ бы къ газетному кіоску и набралъ бы груду газетъ. О, сколько я бы ихъ купилъ! Здѣсь была бы Kölnische und Frankfurter со всѣми ихъ безчисленными Morgen- und Abendblatt'ами, zweite und vierte Morgenausgabe, Berliner Tageblatt, много, много Matin, ни одного юмористическаго листка, потому что ничего не понялъ бы въ нихъ, и всѣ, всѣ номера русскихъ газетъ, сколько бы ихъ тамъ ни было. Нѣтъ, ни одной газеты я не сталъ бы здѣсь разворачивать, спокойно выпилъ бы свою чашку кофе и вошелъ бы въ свой вагонъ.

Что это? Въ Китаѣ давно республика, соціалистическое министерство, вся Восточная Сибирь до Байкала отложилась отъ Россіи и вмѣстѣ съ прежней Китайской Имперіей образовала Великіе Восточные Соединенные Штаты, во Франціи премьеромъ Жоресъ, въ Германіи свергли Вильгельма, и онъ съ тоски покончилъ съ собой, Японія успѣшно воюетъ съ Америкой и уже высадила десантъ въ Санъ-Франциско, установлено правильное воздушное сообщеніе между Парижемъ, Лондономъ, Римомъ, Берлиномъ и Мадридомъ; на дняхъ было воздушное состязаніе между Парижемъ и Петербургомъ, а въ Парижѣ уже правильно курсируютъ аэробусы и аэромобили, въ Турціи контръреволюція. И въ нѣмецкихъ и во французскихъ газетахъ о Россіи почти нѣтъ ничего — «бо благоденствуетъ». Но иностранцы никогда путемъ не знаютъ, что тамъ дѣлается, тѣмъ болѣе, что послѣ скандальной отставки Коковцева, когда премьеромъ сдѣлался Пуришкевичъ, въ Россіи нѣтъ другихъ газетъ кромѣ офиціальныхъ губернскихъ и узнать о ней что-либо мудрено: войска стянуты по границамъ и снова изданъ указъ Павла о запрещеніи русскимъ выѣзжать заграницу, а также новый — о запрещеніи въѣзда въ Россію иностранцамъ и инородцамъ вообще. Населеніе нѣсколькихъ губерній уже эмигрировало въ Америку на Лабрадоръ... Я и не замѣтилъ, подавленный всѣми этими новостями, какъ промчались четыре часа, замѣтилъ это только потому, что на остановкѣ мнѣ дали сдачи

глупыми бельгійскими монетами съ дырочками—значитъ —черезъ два часа я буду въ Парижѣ. Долой газеты!.. Фу, у меня даже перо сейчасъ выпало отъ волненія...

Сейчасъ лазилъ на крышу своего домика и смотрѣлъ на безграничную снѣжную пустыню вокругъ, потомъ ушелъ къ дальнему полуразрушенному домику, гдѣ «анатомятъ», выстроенному здѣсь, Богъ знаетъ когда, по приказанію исправника. Огромнѣйшіе сугробы, въ которыхъ тонешь до пояса, а моя собаченка ныряетъ въ нихъ и визжитъ отъ наслажденія. Жалкія меланхолическія развалины давно заброшенной юрты, сухая трава на крышѣ, которую теребитъ вѣтеръ. Пустыня, пустыня, снѣгъ, снѣгъ. Мѣсяцъ блѣдной дымкой рисуется на небѣ, и хоть вечеръ сейчасъ, но все такъ же трудно смотрѣть — теперь солнце скрывается поздно и сверкаетъ на снѣгу невыносимо.

Говорятъ, что весна уже пришла. Морозу только 10 градусовъ, а иногда на солнцѣ бываетъ даже 5—6 градусовъ тепла! Недавно пронеслись теплыя пурги, которыя чуть совсѣмъ не засыпали насъ снѣгомъ.

17 апрѣля.

Я долженъ сдѣлать важное признаніе: по сегодняшній день мною прочитаны уже двѣ главы изъ книги Муратова объ Италіи, на которую я смотрѣлъ, какъ на противоядіе противъ всяческой тоски и томленія. Какой добрый геній шепнулъ мнѣ объ этой книжкѣ? Чудесная, прелестная книга! Она написана влюбленнымъ, и я не знаю лучшаго рода литературы, чѣмъ та, которую создаютъ влюбленные поэты. Если бы я могъ сейчасъ свободно направить свой путь всюду, куда хотѣлъ — я помчался бы прямо во Флоренцію! Да, Флоренція, Флоренція — одно это имя звучитъ для меня, какъ музыка...

Ближе всего къ Флоренціи тотъ, кто любитъ. Для пилигримовъ любви она священна; въ ея свѣтломъ воздухѣ легче и чище сгораетъ сердце. Счастье любви здѣсь благороднѣе, страданіе прекраснѣе, разлука сладостнѣе. На этомъ древнемъ кладбищѣ любви слишкомъ много сожжено великихъ душъ и слишкомъ много пролито драгоцѣнныхъ слезъ, чтобы не вѣрить здѣсь въ искупленіе. Вѣдь все, что здѣсь создано, создано любовью. Храмъ и картина, фреска и барельефъ, это все кенотафіи ея долгаго сна, — не

смерти, а только сна. Старое каждый мигъ оживаетъ здѣсь, сливается съ новымъ и въ немъ снова живетъ. Такъ вѣчное благоуханіе розъ въ здѣшнихъ монастыряхъ приноситъ новому пришельцу вмѣстѣ съ раздумьемъ о прошломъ вѣсть о его любви. Такъ въ глубокій синій вечеръ на площадкѣ у Санъ Миніато, когда порывы вѣтра налетаютъ изъ горныхъ ущелій и когда огни Флоренціи внизу кажутся тревожными, — величавыя историческія тѣни вдругъ разступаются, чтобы дать мѣсто инымъ образамъ и тоскѣ сердца, внушенной ими. Тогда хочется долго и одиноко ходить здѣсь, слушая, какъ шуршитъ вѣтеръ пескомъ, встрѣчая опускающуюся дождливую ночь, и затѣмъ подойти къ рѣшеткѣ и, наклонившись надъ темнымъ пространствомъ, надъ Флоренціей, тихо позвать: «О, Биче!»

Jo mi son un, che, quando
Amore spira noto, e a quel modo
Che detta dentro vo significando.

Какъ безнадежный пьяница, я досталъ въ горькую минуту изъ-подъ спуда завѣтную бутылку, осторожно отлилъ двѣ капли душистаго вина и снова спряталъ бутылку въ укромное мѣсто.

Но о чемъ же писать тогда? О томъ, что теперь морозы здѣсь не бываютъ больше 12 градусовъ, что днемъ на солнцѣ порою таетъ снѣгъ, что у куропатокъ уже почернѣли головки, что на дняхъ мнѣ таки удалось подкараулить огромную бѣлую сову, что черезъ недѣлю прилетятъ первые гуси и что солнце теперь закатывается около 10 часовъ вечера, а выходитъ снова уже въ 3 часа ночи? Буду, буду и объ этомъ писать. . .

23 апрѣля.

Буду говорить о погодѣ. И не потому вовсе, что говорить мнѣ больше не о чемъ, но потому, что она сейчасъ представляетъ для меня самый животрепещущій интересъ. Съ нетерпѣніемъ просыпаюсь утромъ, бѣгу къ окошку и смотрю на термометръ. Ура! Сегодня въ 7 часовъ утра было только 6 градусовъ мороза. Столбикъ ртути поднимается все выше, добрался до 6 градусовъ тепла — и остановился. Снѣгъ таетъ не на шутку. Надѣлъ свое драповое парижское пальто (Belle Jardinière, конечно, даже не подозрѣ-

ваетъ о существованіи какого-то Русскаго Устья въ 13.000 верстахъ отъ нея!), взялъ ружье и отправился за рѣку. Таютъ на солнцѣ верхніе слои снѣга и глазурью замерзаютъ за ночь. Съ каждымъ днемъ глазурь толще и блестящѣе, сверкаетъ на солнцѣ миріадами разноцвѣтныхъ искръ и даже за синими стеклами слѣпитъ глаза. На томъ берегу, прямо противъ моего домика, стоитъ нѣсколько остроконечныхъ земляныхъ юртъ (такъ называемыя «урасы»), въ которыхъ живутъ лѣтомъ. Теперь все еще пока занесено снѣгомъ и кругомъ царитъ безмолвіе. Только на верхушкѣ одной урасы сидитъ большимъ неподвижнымъ комомъ бѣлая сова, которая высматриваетъ сверху, какъ пожарный съ каланчи, куропатокъ и зайцевъ. Я долго сижу за бугромъ и наблюдаю за ней. Время отъ времени она осторожно поворачиваетъ голову, описывая шеей почти полный кругъ. Она замѣтила меня, дважды жалобно и протяжно крикнула и, распустивъ свои огромныя бѣлыя крылья, тяжело и безшумно полетѣла прочь. Я иду вдоль обрывистаго берега, гдѣ мѣстами снѣгъ протаялъ уже до земли; но все еще имъ засыпаны до верху огромныя трещины, въ которыя я неожиданно проваливаюсь до пояса, что вовсе не такъ уже пріятно.

Весь берегъ испещренъ слѣдами. Зигзагами и извилистыми линіями разрисовали снѣгъ куропатки, бѣгая стайками и обрывая почти высовывающихся изъ-подъ снѣга вѣтокъ мелкаго кустарника ивы («тальникъ»). Кое-гдѣ видны маленькія ямки, гдѣ онѣ грѣлись на солнцѣ. Вотъ раздался въ сторонѣ ихъ крикъ и я вижу небольшую стайку: кавалеры уже въ коричневыхъ ошейникахъ, дамы не сдѣлали еще уступокъ весенней модѣ. Вытянувъ шею, нѣкоторыя боязливо смотрятъ на меня, другія безпечно лежатъ въ снѣгу, кто-то изъ нихъ тревожно и сердито бормочетъ что-то по моему адресу — должно быть что-нибудь не очень лестное. Бормотанье вдругъ обрывается и вся стая, сорвавшись, улетаетъ прочь, рѣзко выдѣляясь во время полета на снѣгу своими черными развернутыми хвостами. Зайцы протоптали на берегу цѣлую тропинку — это ихъ излюбленное мѣсто прогулокъ. Проходя здѣсь, я встрѣчалъ ихъ каждый разъ. Различить его въ снѣгу, когда онъ

лежитъ, невозможно — у него шелковистая бѣлая шерсть и черны лишь кончики ушей. Онъ, бѣдняга, теперь плохо видитъ, но зато чудесно слышитъ. Порой заяцъ срывался у меня чуть не изъ-подъ самыхъ ногъ. Какъ забавно катился и улепетывалъ прочь этотъ бѣлый комочекъ! Иногда, отбѣжавъ подальше, заяцъ садился на заднія лапки и, настороживъ уши, тревожно прислушивался и присматривался, а потомъ, комично махнувъ передними лапками — что, молъ, съ тобой тутъ разговаривать, — бросался бѣжать прочь. Такъ хотѣлось бы его осторожно погладить по пушистой головѣ. По слѣду можно узнать о настроеніи. Вотъ равнымъ аллюромъ пробѣжала влюбленная парочка, здѣсь зайчишка шелъ шагомъ, копался въ снѣгу, доставая траву, тамъ, испугавшись чего-нибудь, неожиданно прыгнулъ въ сторону и умчался стремглавъ, душа въ пяткахъ. Встрѣчается и слѣдъ песца, пробѣжавшаго стороной — ровный и четкій слѣдъ, какъ отъ небольшой собаки.

Я залѣзаю въ рытвину обвалившагося берега. Тихо, тихо. Солнце печетъ и слышенъ лишь шорохъ капель и обвалившагося снѣга. Передъ глазами пластъ обнаженной земли и я съ любопытствомъ разсматриваю крупинки песка, прошлогодній мохъ, сухую травку. Небо ясное, безъ единаго облачка. Ахъ, это солнце! Оно горитъ и грѣетъ, все вокругъ наполняетъ огнемъ, свѣтомъ, тепломъ. Точитъ снѣгъ, сгоняетъ капельками воду съ обтаявшей сосульки, которая виситъ на травѣ, какъ прозрачный леденецъ... И далеко, далеко несутся думы... Тамъ то же солнце, пахнетъ пылью и горячимъ камнемъ, этимъ особеннымъ раздражающимъ лѣтнимъ запахомъ большого города, слышны звонки трамваевъ, пронзительные гудки неуклюжихъ паровыхъ конокъ, мягкій звукъ катящихся автомобилей, темнѣетъ зелень каштановъ, шумитъ, бѣжитъ и смѣется живая толпа...

24 апрѣля.

Сейчасъ пришла сюда вѣсть изъ Усть-Янска, что туда пріѣхалъ таки изъ Якутска купецъ, съ которымъ я всю зиму ждалъ писемъ. Онъ выѣхалъ изъ Якутска позднѣе меня на два мѣсяца — мнѣ хоть бы одно письмо получить... Хочу и почему-то боюсь этихъ писемъ...

27 апрѣля.

Какъ томительно ожиданіе! Привезутъ ли мнѣ что-нибудь изъ Усть-Янска? и что? Сколько разъ за день взбираюсь на крышу и съ тоской смотрю на югъ, на вереницу вѣхъ, убѣгающихъ вдаль. Неподвижная, мертвая пустыня. Уже третій день бушуетъ пурга. Вокругъ дома, подъ окнами, даже въ сѣняхъ новые сугробы снѣга. Какъ будто февраль вернулся. И все валится изъ рукъ — Платонъ и Соловьевъ, геологія и ботаника. Даже излюбленное мною и испытанное средство противъ тоски — изученіе языковъ — не помогаетъ, опротивѣлъ Туссэнъ. Да везутъ ли мнѣ вообще что-нибудь? Господи!

29 апрѣля.

Вчера пріѣхали изъ Усть-Янска. Привезли мнѣ груду писемъ, газетъ, журналовъ. Когда я распечатывалъ письма, у меня даже руки дрожали отъ волненія...

9/22 мая.

Перваго мая вечеромъ шелъ тихій снѣгъ. Я уже лежалъ въ постели и съ наслажденіемъ читалъ номеръ «свѣжей» газеты — «Русскія Вѣдомости» отъ ноября, — когда ровно въ 10 часовъ (я живу здѣсь по птичьему — рано ложусь и рано встаю) вдругъ сразу кто-то, разбѣжавшись, ударилъ въ домъ, и въ трубѣ неистово завылъ вѣтеръ. Да такъ завылъ, что я выскочилъ на крышу посмотрѣть, что случилось. Упала страшная пурга — такой я еще здѣсь не видывалъ. Утромъ, когда я проснулся, въ трубѣ выло по прежнему. Въ комнатѣ почему-то стояли сумерки. Съ удивленіемъ увидалъ за печкой сугробъ прорвавшагося какимъ-то образомъ черезъ щель снѣга. Съ трудомъ отворилъ дверь — и не повѣрилъ своимъ глазамъ. Сѣни были биткомъ набиты снѣгомъ до самаго потолка. Снѣгъ похоронилъ всѣ мои припасы, ледъ... Щепкой прокопалъ туннель къ наружнымъ дверямъ. Проползъ къ нимъ — двери не отворяются, пришлось ихъ сломать. За ними адъ кромѣшный. Хвостатые бѣлые вихри-змѣи кружатся въ воздухѣ, все вокругъ завалило огромными сугробами. Вотъ она, сѣверная Вальпургіева ночь!

И съ тѣхъ поръ, не переставая, дуютъ вѣтры. Они отгоняютъ весну, снѣгъ пересталъ таять. Птицъ

они совсѣмъ сбили съ толку: по одиночкѣ, какъ-то безтолково начали прилетать гуси, но вѣтра и холода, видимо, смущаютъ ихъ — они то летятъ на сѣверъ, то поворачиваются обратно. Сегодня надъ моимъ домомъ съ жалобнымъ крикомъ пролетѣла противъ вѣтра большая морская чайка. Милая, откуда ты? быть можетъ съ Атлантическаго океана или вилась еще недавно вокругъ казино въ Ниццѣ? Два дикихъ оленя пробѣжали сегодня по рѣкѣ. Значитъ, настоящая весна, все-таки, близко...

Въ тотъ день, когда мнѣ привезли письма (это было 28 апрѣля), я засидѣлся за ними до поздней ночи. Не замѣтилъ этого, потому что уже давно ночи здѣсь свѣтлыя. Ровно въ полночь вылѣзъ на крышу — на сѣверѣ былъ виденъ край уже не заходящаго теперь солнца. А черезъ недѣлю оно въ полночь уже высоко стояло надъ горизонтомъ на сѣверѣ — свѣтитъ и грѣетъ, какъ наше закатывающееся солнце. Начались чудеса полярнаго лѣта.

14 мая.

О чемъ я мечтаю и что я хотѣлъ бы?

Я хотѣлъ бы проснуться въ мягкой, свѣжей постели раннимъ, раннимъ утромъ. Пусть черезъ открытое окно прямо на меня свѣтитъ горячее солнце. Изъ окна можно достать рукой вѣтки росистой сирени. Горячо цѣлуетъ меня солнце и свѣжій вѣтеръ шевелитъ на груди рубашку. Побѣжать, утонуть въ этомъ свѣтѣ, въ этой зелени, мокрые лепестки прилипнутъ къ лицу и рукамъ, душистая волна захватитъ дыханіе...

Что невозможнаго въ этой мечтѣ? Все, все возможно — отъ начала до конца, а мнѣ эта мечта кажется прекрасной, дивной фантазіей, которую можно увидѣть лишь во снѣ — сонъ улетаетъ и хочется плакать оттого, что проснулся...

Изъ всего этого можно заключить, что у меня сейчасъ холодъ, снѣгъ, воетъ вѣтеръ и зла тоска-кручина сосетъ сердце. Такъ оно и есть.

29 мая.

Послѣднія двѣ недѣли я жилъ совершенно ошалѣлой жизнью. Утромъ меня будилъ крикъ птицъ, и я, схвативъ ружье, по болотамъ и снѣгамъ бѣжалъ въ тундру, — вечеромъ валился въ постель съ ною-

щими ногами и налитымъ свинцомъ тѣломъ. Сны полны маханія крыльевъ и крика птицъ. Меня досадовало, что такъ много времени должно уходить на хозяйство и сонъ, а потому я не доѣдалъ и не досыпалъ. Знаю, что это глупо, но весна бываетъ только одинъ разъ въ году. Сейчасъ главные отряды птицъ улетѣли дальше къ морю, жизнь моя стала спокойнѣе, и я могу снова писать.

Перваго гуся я увидалъ 5 мая. Но одинъ гусь весны не дѣлаетъ — подули холодные восточные вѣтра и «заперли» гуся вверху. Только 17 мая повѣяло настоящей весной — съ этого дня я и потерялъ всякое равновѣсіе.

Недалеко отъ дома, среди растаявшихъ болотъ я выстроилъ себѣ «хижину дяди Тома», какъ мысленно прозвалъ ее, и просиживалъ съ ней съ утра до вечера, подсматривая птичьи тайны, ихъ романы, идилліи, драмы, даже трагедіи. Какъ все это было интересно! И какъ трудно описать все видѣнное! Вѣдь это такая кипучая волна жизни, она бьется и трепещетъ — до послѣдней крайности надо было напрягать вниманіе, зрѣніе, слухъ, чтобы поймать какъ можно больше звуковъ и движенія. И вечеромъ я почти падалъ отъ изнеможенія.

Сначала преобладали гуси. Они летѣли парами, тройками, шестерками — низко надъ землей — съ глухими двойными криками. Высматриваютъ мѣста и садятся на обтаявшихъ песчаныхъ косахъ рѣки. Тамъ они собираются сотнями, устраиваютъ клубы, и ихъ крикъ слышенъ за версту — галдятъ, какъ на базарѣ. Среди этого хриплаго крика слышны порой отрывистые глухіе трубные звуки, и когда вся стая спугнута и сѣрой тучей поднимается на воздухъ, на ней ясно выдѣляются три-четыре бѣлоснѣжныхъ фигуры— это лебеди. Гуси чутки и осторожны — еще бы, вѣдь ихъ, бѣдняжекъ, преслѣдуютъ всюду, на всемъ ихъ длинномъ, длинномъ пути — отъ Австраліи или южнаго Китая до Ледовитаго океана.

Всюду еще лежалъ снѣгъ и было холодно, когда появились большія бѣлыя чайки. Какъ онѣ красивы — отъ нихъ вѣетъ дикой волей и просторомъ. За чайками прилетѣли маленькія воробьиныя птички и хорошо намъ знакомыя трясогузки. Онѣ вьются во-

кругъ домовъ и веселымъ пискомъ наполняютъ воздухъ. Вотъ появились и группы разнаго рода куличковъ — на высокихъ стройныхъ ножкахъ, съ длинными клювами. Болота растаяли, всюду стоитъ вода, оттаялъ по берегамъ Индигирки ледъ и образовались такъ называемыя «заберeги». Тутъ уже валомъ повалила птица и каждый день новая. Преобладаетъ, конечно, водяная.

Здѣсь ихъ родина, сюда возвращаются онѣ изъ теплыхъ странъ — Антлантическаго океана, съ Чернаго моря, изъ Египта, изъ Индіи, съ Цейлона, Кубы, изъ Испаніи и Австраліи, нѣкоторыя изъ нихъ при этомъ дѣлаютъ до 10—20.000 верстъ.

Самымъ оживленнымъ, можно даже сказать самымъ бурнымъ по прилету птицъ былъ день 24 мая. Билась и трепетала между землей и небомъ огромная волна жизни. Каждая лужа, каждая кочка — особый міръ, гдѣ ключемъ кипитъ жизнь. Каждая пичуга прыгаетъ, трепещетъ крылышками, пищитъ, поетъ — въ мѣру отпущеннаго ей Богомъ таланта, — каждая занята своимъ дѣломъ, не обращая вниманія на сосѣда, и лишь при появленіи какого-нибудь крылатаго хищника всѣ дружной тучей бросаются въ сторону. Я положительно терялся и не зналъ, на что смотрѣть. Птица не пугалась моего шалаша и не видѣла меня; часто я разсматривалъ ихъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, смѣялся и удивлялся ихъ маневрамъ и продѣлкамъ.

Вотъ въ ближнемъ болотцѣ сидятъ нѣсколько утокъ — «савки» и «шилохвости», послѣднія особенно красивы, перо у нихъ серебристо-пестрое, какъ у цесарокъ. Мой пріятель «Бой» набѣжалъ на нихъ, онѣ съ шумомъ поднялись и снова въ нѣсколькихъ шагахъ опустились, не считая, очевидно, щенка опаснымъ врагомъ; онѣ сдержанно крякаютъ, щелочатъ широкими клювами въ водѣ и больше не обращаютъ никакого вниманія на недоумѣвающаго, растерявшагося «Боя». Вокругъ нихъ кишмя кишатъ всякаго рода и вида кулички-песочники: здѣсь восточно-сибирскій чернозобикъ, прилетѣвшій изъ Явы, а можетъ быть изъ Испаніи; быстро, быстро, почти судорожно втыкаетъ онъ въ землю свой длинный клювъ, причемъ одинъ настойчиво отгоняетъ другого, но все же оба

они неразлучны: милые бранятся — только тѣшатся. Тамъ острохвостый американскій песочникъ, поднявшись на воздухъ, плавно спускается, причемъ его нѣсколько отвислый зобикъ раздувается какъ шаръ, и онъ издаетъ странно-громкій для такой маленькой птички звукъ: ду-ду-ду-ду — этого американца зовутъ здѣсь «дудукой». Маленькій длинноносый бекасъ описываетъ высоко въ воздухѣ огромную спираль и его характерное «блеяніе» (за это его и зовутъ здѣсь «барашкомъ») слышно на тысячу шаговъ: музыкантъ старается для нея — но ея не видно, такъ какъ она притаилась гдѣ-нибудь среди прошлогодней травы. Одинъ видъ куличковъ поднимается на воздухъ, издавая перышками дребезжаніе, которое легко отличить ухомъ во всемъ этомъ гамѣ — пищатъ, высвистываютъ, кричатъ, играютъ, дерутся и всѣ неустанно ищутъ кормъ. Какой-то артистъ издаетъ странный, захлебывающійся въ водѣ звукъ — очевидно, онъ погружаетъ клювъ въ воду и тамъ оретъ въ упоеніи. Пара, потомъ четыре большихъ благородныхъ бекаса съ длинными ногами въ четверть и такой же длинны клювами спустились легко на землю и, не смѣшиваясь съ другими, быстро опять улетѣли. Сотни, тысячи «плавунчиковъ» — плосконосыхъ и круглоносыхъ — съ легкостью пробокъ плаваютъ по лужамъ, быстро перебирая ножками, отороченными перепонками, кружась, какъ въ вальсѣ, на одномъ мѣстѣ. На сосѣднемъ холмикѣ прилетѣвшіе изъ Индіи турухтаны устраиваютъ турниры, не обращая никакого вниманія на окружающихъ — но ихъ дуэли похожи на французскія: въ нихъ больше шума, и возни, чѣмъ крови Они очень задорны и неустанно наскакиваютъ другъ на друга, собираясь въ кругъ по нѣсколько десятковъ штукъ — у нихъ красивые широкіе воротники въ два и три яруса разныхъ цвѣтовъ. Хлопочутъ пестрыя камнешарки со своимъ тоскливымъ и какъ бы предупреждающимъ крикомъ, соединяясь въ стаи съ песочниками — стайки вдругъ, какъ по сигналу, срываются и вихремъ носятся вокругъ. Летятъ крикливые гуси и злобно шипятъ, неожиданно налетая на человѣка и тяжело поднимаясь сразу коломъ въ воздухъ, чтобы выйти за черту выстрѣла. Пролетѣлъ, вытянувъ шею

и поджавъ нелѣпыя длинныя ноги, огромный стерхъ — и видно, что даже его огромныя крылья съ трудомъ несутъ тяжелое тѣло. На ясномъ голубомъ небѣ протянулась ниточка — она завязывается то въ петельки, то въ узелки и растетъ на глазахъ съ поразительной быстротой: сейчасъ это была нитка чернаго бисера, теперь развернулась четками — просвистѣли шелковистыя крылья и вотъ уже опять все исчезло; это пролетѣла стая утокъ. Какъ будто кто-то бросилъ въ небо горсть каменьевъ. Утокъ здѣсь масса — савки, чирки, шилохвости, турпаны и др. Какой-то чудакъ пролетѣлъ надъ головой со страннымъ скрипучимъ крикомъ, какъ дѣтская деревянная трещетка — у него длинныя, острыя крылья, вильчатый тоненькій хвостъ, клювъ и ноги ярко-киноварнаго цвѣта. Это — длиннохвостая крачка, которая замѣчательна тѣмъ, что дѣлаетъ одинъ изъ длиннѣйшихъ кружныхъ перелетовъ, не подозрѣвая того, что мѣста гнѣздовья (сѣверъ и Тихій океанъ) и зимовья (Атлантическій океанъ) у нея, въ сущности, очень близки одно отъ другого — но преданія старины для нея дороже всякихъ нововведеній.

Должно быть, я очень плохой охотникъ, потому что стрѣльба не доставляетъ мнѣ большого удовольствія — я просто смотрѣлъ и наблюдалъ за всѣми этими пичугами. Поднятое ружье часто опускалось, и я не могъ заставить себя выстрѣлить. Коллекцію все же старался собирать.

Все кругомъ славило жизнь, и вопіющимъ диссонансомъ въ этомъ хорѣ казались мнѣ русско-устинцы, которые, засучивъ штаны, бродили среди всѣхъ этихъ птицъ со своими луками. Вотъ подкрадывается къ маленькимъ плавунчикамъ здоровенный, корявый Митька, глаза его жадно блестятъ и нижняя губа отъ волненія отвисла — летитъ тяжелая стрѣла, пущенная почти въ упоръ въ стайки, давитъ однѣхъ пичугъ и обрываетъ крылышки у другихъ, — Митька хватаетъ трепещущія жертвы, перекусываетъ зубами имъ горло и еще полуживыхъ, смятыхъ суетъ за пазуху или просто въ карманъ — сколько сотенъ жизней долженъ онъ истребить, чтобы насытить свое огромное тѣло! Другое чудовище спряталось въ шалашѣ, изъ котораго по временамъ вырывается громъ

и огонь, неся съ собой смерть вокругъ: о, для науки вѣдь такъ важно установить, наприм., что, **tringa alpina** гнѣздится восточнѣе Таймырскаго полуострова, а не до него, какъ это думали раньше! Бѣдныя пичуги!

11/24 іюня.

Весна проходитъ. 10 дней тому назадъ вскрылась и прошла рѣка. Давно уже начали ловить рыбу. Изъ озеръ и рѣки таскаютъ сельдей, омулей чировъ и муксуновъ. Порой вытаскиваютъ неводомъ нельму — аршина въ $1^1/_2$—2 величиной и болѣе пуда вѣсомъ. Я тоже ѣзжу за рыбой — учусь и изучаю. Сшили мнѣ здѣсь «вѣтку». «Вѣткой» здѣсь называется маленькая лодочка на одного человѣка съ однимъ двухлопастнымъ весломъ. Шьютъ ее изъ обтесанныхъ тонкихъ досокъ. Легка она чрезвычайно, но зато и очень легкомысленна.

Случился со мной здѣсь курьезъ: староста и здѣшнее общество просили меня во избѣжаніе возможныхъ «недоразумѣній» оставить имъ записку «самоубійцы»: «въ смерти моей прошу никого не винить» — на случай моей погибели; я вѣдь хочу лѣтомъ вмѣстѣ съ промышленниками ѣхать на море «гусевать». Я смѣялся, но просьбу ихъ исполнилъ.

Когда я сѣлъ въ вѣтку въ первый разъ, правду сказать, это показалось мнѣ страшнымъ, но скоро привыкъ и на четвертый день уже переплылъ, къ общему удивленію, черезъ Индигирку. А на дняхъ ѣздилъ собирать гусиныя яйца, сдѣлалъ на вѣткѣ верстъ 20 и назадъ возвращался озеромъ по большимъ волнамъ, на которыхъ моя вѣтка прыгала, какъ скорлупка. Съ нами Богъ!

Дни стоятъ знойные. Весна пришла съ цвѣтами, зеленой травой, медвянымъ запахомъ — всѣмъ тѣмъ, что волнуетъ и будоражитъ душу. Она замучила меня. Все было такъ мучительно и такъ сладко. Сырая земля вызывала почему-то въ памяти дѣтскіе годы, когда я въ весеннихъ лужахъ ловилъ головастиковъ; въ жаркій день горячій кустарникъ и верескъ пахнулъ совсѣмъ, какъ на Капри, большая бѣлая чайка на синемъ небѣ напоминала Женевское озеро, запахъ цвѣтовъ, зелень, тихій вѣтерокъ и веселое приволье

3*

вызывали въ памяти Гейдельбергъ, легкій дымокъ на свѣжемъ воздухѣ —Сочи. Только Парижъ ничто здѣсь не напоминаетъ...

Осуществилось то, о чемъ я такъ долго и такъ жадно мечталъ по тюрьмамъ: привольная, свободная жизнь среди природы. Какимъ тихимъ, глубокимъ наслажденіемъ объята душа, когда въ какой-нибудь маленькой рѣчушкѣ слабое теченіе тихо несетъ вѣтку мимо зеленыхъ береговъ по прозрачной глубокой водѣ... Пролетаютъ надъ головой птицы, вѣтка тихо подкрадывается къ куличкамъ, которые прячутся въ травѣ, не подозрѣвая о твоемъ присутствіи, жужжитъ надъ ухомъ комаръ, сѣла на весло большая синяя муха, гудѣніе которой почему-то вдругъ вызываетъ въ памяти дачную лѣтнюю жизнь, Малаховку, Томилино... Необъятно раскинулось синее небо и вѣтерокъ бѣжитъ рябью по гладкой водѣ. Эхъ, какъ хорошо! О чемъ тутъ не передумаешь, чего не вспомнишь, о чемъ не мечтаешь!

Пустѣетъ Русское Устье. Изъ 7 дымовъ осталось лишь три, но только въ моемъ домикѣ населеніе не уменьшилось — всюду часть рыболововъ откочевала на промыселъ. Завтра укочевываетъ еще одинъ, а черезъ двѣ недѣли и послѣдній дымъ перестанетъ дымиться — я останусь совсѣмъ одинъ. Впрочемъ, и я, если погода позволитъ, не разсчитываю долго жить на одномъ мѣстѣ — буду разъѣзжать на своей вѣткѣ по всѣмъ кочевьямъ со своей палаткой, хозяйствомъ и «Боемъ», — благо у меня теперь всюду есть знакомые.

19 іюня/2 іюля.

Вѣтеръ. Дождь. Холодъ. Надъ рѣкой несутся волны тумана. Впрочемъ, какого еще лѣта долженъ былъ ждать я здѣсь, подъ 71 градусомъ сѣверной широты! Когда я при рѣдкихъ встрѣчахъ проѣзжающихъ мимо промышленниковъ жалуюсь на холодъ, на меня удивленно смотрятъ и говорятъ: «Какой холодъ? — лѣто! А вотъ погода!» «Погода», т. е. вѣтеръ мѣшаетъ имъ ловить рыбу.

Да, это тебѣ не Италія!

Живу послѣднее время очень одиноко. Русское Устье совсѣмъ опустѣло и я остался одинъ среди

мертвыхъ домовъ съ «Боемъ», съ которымъ въ послѣднее время живу очень дружно. Жизнь моя идетъ не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. Многія книги еще ни разу не были сняты съ полки, многіе планы не осуществлены, гербарій пополняется медленно, коллекція насѣкомыхъ пока блестяще представлена только одной большой мухой, въ погребѣ стоитъ набитый птицами ящикъ и ихъ надо еще препарировать... Но гдѣ же угнаться за всѣмъ. Третьяго дня печаталъ карточки, вчера полдня пекъ пирогъ съ рыбой, а надо еще: покрыть землей и дерномъ крышу дома, чтобы не протекала, сдѣлать станокъ для ручной пилы, приготовить изъ бревенъ нѣсколько досокъ, выстрогать доску для раскатыванія тѣста и проч., и проч. Соловьевъ застрялъ на 6-омъ томѣ (а ихъ всего 29), французскій Туссэнъ на 8-омъ выпускѣ (вѣдь въ четвертый разъ принимаюсь за него и ни разу не ушелъ дальше II-го! — неужели опять вся надежда только на Петропавловку?), въ геологіи упорно сижу среди «горныхъ породъ», химія и Платонъ еще не тронуты... О-о-о!.. А къ тому еще каждый день надо ѣсть, ставить самовары, лазить въ погребъ за рыбой, чистить ее, жарить... Сколько хлопотъ, сколько невзгодъ.... Жить стараюсь на одной рыбѣ — птицъ стрѣлять не охота, у нихъ сейчасъ какъ разъ время высиживанія яицъ. Много въ хозяйственныхъ заботахъ мнѣ помогаетъ «юкола», т. е. сушеная на солнцѣ рыба. Она всегда готова и съ нею нѣтъ заботъ — къ ней я очень пристрастился: съ ней пью чай, ею одной часто обѣдаю. Вѣдь сказать правду, хлѣба-то у меня давно нѣтъ — а завѣтный пудъ сухарей стараюсь беречь для путешествій.

Брожу по тундрѣ—она все еще мокрая и часто приходится по колѣно ходить въ водѣ. Жизнь на ней теперь ушла вглубь. Весенняя пора увлеченій и романовъ кончилась, начались семейныя заботы. Слѣдить за птицами стало труднѣе — ихъ жизнь сдѣлалась интимнѣе. Старательно ищу гнѣзда. Совсѣмъ около дома нашелъ гнѣздышко маленькаго плавунчика, у котораго ноги съ такими потѣшными лопастными перепонками. Въ дождь, вѣтеръ и холодъ онъ упорно сидитъ на гнѣздѣ (интересно, что родительскія за-

боты лежатъ исключительно на самцѣ), подпускаетъ очень близко, потомъ осторожно соскакиваетъ, пробѣгаетъ нѣсколько шаговъ въ сторону и уже потомъ поднимается изъ другого мѣста, летя такъ, будто у него сломано крыло. Я дѣлаю видъ, что вѣрю ему. По моимъ разсчетамъ птенцы должны появиться на дняхъ и я боюсь, какъ бы «Бой» не съѣлъ всего семейства раньше, — а какъ оградить его безопасность? Другое гнѣздышко нашелъ въ сѣняхъ часовни: нѣсколько дней тому назадъ уже вылупились изъ яицъ 4 птенчика, покрытыхъ длиннымъ сѣрымъ пухомъ, еще слѣпые. Это — трясогузки, наши земляки, что изящно бѣгаютъ передъ дачами на усыпанныхъ пескомъ дорожкахъ. Я имѣлъ неосторожность на глазахъ у родителей дотронуться до одного изъ нихъ — къ вечеру нашелъ его выпихнутымъ изъ гнѣзда, — онъ былъ еще живъ. Напрасно я дважды возвращалъ его родительскому очагу, ревнивая мать упорно выбрасывала его вонъ. Своимъ назойливымъ любопытствомъ я добился того, что всѣ три птенца однажды исчезли — родители, очевидно, ихъ куда-то всѣхъ перенесли и теперь съ насмѣшливымъ пискомъ летаютъ надъ моей головой, когда я подхожу къ этому мѣсту. Но больше всего я горжусь другой находкой: большимъ утинымъ гнѣздомъ съ 9 яйцами красивой шилохвости. Мечтаю взять и приручить пару цыплятъ — но дѣло это очень трудное: у утокъ птенцы, разломавъ яйцо, сейчасъ же бѣгутъ къ водѣ — какъ тутъ за ними услѣдишь?!

Тундра сейчасъ пестрѣетъ цвѣтами: синіе колокольчики, желтые вѣнчики, лепестки блѣдно-лиловые, розовые; бѣлыми цвѣточками, похожими на ландыши, убранъ стелющійся по землѣ мохъ. Пучекъ этихъ цвѣтовъ съ нѣжнымъ запахомъ всегда стоитъ у меня въ стаканѣ на столѣ — цвѣты грустные, простые и милые. Если съ какого-нибудь возвышенія взглянуть на тундру, она вся кажется покрытой какими-то окнами и каналами воды и удивительно похожа на карту каналовъ и морей Марса. Все выше на ней поднимается трава. Оттаиваетъ здѣсь земля не глубоко — не больше аршина.

Мокрый, усталый и голодный возвращаюсь домой. Черезъ четверть часа пыхтитъ, свиститъ и раз-

говариваетъ со стола самоваръ; сижу переодѣтый во все сухое, со стѣнъ смотрятъ на меня милыя, любимыя лица и вырѣзанныя изъ пяти-копеечныхъ иллюстрированныхъ изданій и воскресныхъ приложеній картинки, — моя бѣдная юрта кажется мнѣ чудеснымъ — теплымъ, свѣтлымъ и чистымъ уголкомъ. Съ наслажденіемъ читаю «новый» номеръ «Русскихъ Вѣдомостей» отъ 2 декабря прошлаго года — и особенно интересуюсь хроникой Москвы, театрами, объявленіями. Боже ты мой! какой волшебной и восхитительной кажется мнѣ за тридевять земель вся эта культура. Да, только отсюда учишься цѣнить ее. Среди объявленій выбираю нѣкоторыя и думаю, что бы сейчасъ мнѣ надо было купить — охъ, какъ много! Корреспонденціи изъ Парижа читаю дважды и за двумя-тремя строчками (изъ разныхъ отдѣловъ) просиживаю порой очень долго, такъ какъ онѣ тянутъ за собой цѣлую вереницу образовъ. Недавно одна строчка взволновала меня на нѣсколько дней, да и теперь еще мысли часто къ ней возвращаются.

Дней черезъ десять «гусевщики» отправляются къ морю. Во мнѣ борются всякія «да» и «нѣтъ». Впрочемъ, многіе ли знаютъ, что такое «гусеваніе?»

Дѣло въ томъ, что у всѣхъ гусиныхъ (лебеди, гуси, утки) во время лѣтней линьки маховыя перья (на крыльяхъ) выпадаютъ не постепенно, какъ у другихъ птицъ, («черезъ перо»), а одновременно. Благодаря этому въ теченіе 10—12 дней (здѣсь «съ Прокопія до Ильина», т. е. съ 8 по 20 іюля), пока не отрастутъ новыя перья, птица летать не можетъ и дѣлается безпомощной. Зная это и боясь своихъ враговъ, птицы на это время улетаютъ къ морю въ безлюдныя, пустынныя мѣста, гдѣ собираются многими тысячами. Туда и ходятъ въ это время на промыселъ: стада птицъ окружаютъ и загоняютъ въ сѣти. Добываютъ такимъ способомъ обычно много тысячъ. Уже давно мечталъ я о гусеваніи. Но чѣмъ ближе день отъѣзда, тѣмъ больше «за» и «противъ». Съ одной стороны: Ледовитый океанъ, новыя, невиданныя мѣста, приключенія, обиліе новыхъ впечатлѣній, воз-

можность воспользоваться птицами, какъ почтальонами и, вѣроятно, много, много чудесъ для меня. Съ другой: утомительный путь на вѣткѣ (болѣе 100 верстъ въ одинъ только конецъ), переѣздъ черезъ бурный морской заливъ, всякія напасти — вѣтра, снѣга, морозы, дожди и вода, вода...

Земля тамъ оттаиваетъ лишь на четверть, трава поднимается на длину пальца, въ самомъ мѣстѣ гусеванія все залито водой, на водѣ приходится спать (подъ оленьи шкуры подстилаютъ жерди и доски), кипятить чайники, накладываютъ одинъ на другой нѣсколько пластовъ дерна, чтобы приготовить сухое для огня мѣстечко — да еще Богъ знаетъ, какихъ ужасовъ мнѣ наговорили. Гусеваніе продолжается около мѣсяца. «Погибнешь ты тамъ, дядюшка!»

Чертъ знаетъ что такое — и боюсь и хочу ѣхать. Нѣтъ, чувствую, что поѣду!

25 іюня.

Душные, грозовые дни, — но грозы проходятъ мимо. Свирѣпствуетъ комаръ. Весь въ хлопотахъ и заботахъ — сборы въ путь къ морю за гусями. Бога метереологіи молю о хорошей погодѣ: со снѣгомъ ужъ мирюсь, но пусть поменьше будетъ дождя и вѣтра.

29 іюня, Петровъ день.

Сегодня хотѣлъ выѣхать къ морю, но дуетъ сильный низовой вѣтеръ, по Индигиркѣ ходятъ валы и ѣхать нельзя. Вѣтеръ воетъ, бьетъ въ стѣны и, кажется, въ мои нервы. Я здѣсь въ совершенномъ одиночествѣ — всѣ откочевали изъ Русскаго Устья.

90 верстъ отъ Русскаго Устья, 5/18 іюля.

Третій день я въ пути. Ночью вмѣстѣ съ другими гусниками добрался до морской губы — вотъ оно «море синее, море бурное, вѣтеръ яростный, необузданный». Здѣсь самое опасное мѣсто — переѣздъ черезъ море. На легкомысленныхъ вѣткахъ предпріятіе это опасное, и потому всѣ гусники обычно собираются вмѣстѣ и, выждавъ тихую погоду, переѣзжаютъ разомъ. Вотъ и мы ждемъ отставшихъ и потому днюемъ, чему я очень радъ, такъ какъ за вчерашній день усталъ безумно — поясница какъ будто переломлена и руки болятъ адски. Какъ-никакъ за эти 3 дня сдѣлалъ верстъ 80—90. Послѣднее жилье осталось

въ 50 верстахъ — кругомъ и впереди дикая, суровая пустыня, гдѣ бѣгаетъ олень и песецъ, летаетъ чайка, бѣлая сова, утка и гусь. Трудный путь, — особенно удручаютъ меня мокрота и сырость. Спать ложиться приходится въ мокрой одеждѣ и, засыпая, я каждый вечеръ молю о томъ, чтобы на утро проснуться здоровымъ — захворать въ такихъ условіяхъ было бы вѣрной гибелью.

Сижу сейчасъ въ своей палаткѣ. Кажется, ночь настала (у меня часы остановились, а по солнцу ничего не опредѣлишь — оно не сходитъ съ горизонта). Съ моря несутся клочья тумана, которые закрыли ночное солнце. Сыро и довольно холодно. Сейчасъ отъ нашего лагеря ходилъ версты за двѣ по обрывистому морскому берегу къ развалинамъ домика, гдѣ когда-то зимовали семеро изъ какой-то старинной русской экспедиціи — таково преданіе («отцы наши не помнятъ»). Полусгнившія бревна, провалившійся потолокъ, дикая пустыня кругомъ, впереди безбрежный Ледовитый океанъ, полная лишеній жизнь семерыхъ неизвѣстныхъ путешественниковъ — какіе-нибудь храбрые моряки — все вызывало грустныя, странныя думы.

8 іюля.

Третьяго дня переплыли море-океанъ. Впрочемъ, это было не море, а только морская губа, по которой мы сдѣлали 30 верстъ, (будутъ всѣ пятьдесятъ). Моментъ былъ выбранъ удачно и море было сравнительно тихо. Зато теперь оно точно спохватилось. Сильный вѣтеръ, крупный дождь всю ночь барабанилъ по палаткѣ; холодно; на берегъ съ моря бѣгутъ высокіе черные валы, руки стынутъ. Жалкая тундра съ массой озеръ и болотъ; земля оттаяла лишь на четверть и, если хорошенько ударить топоромъ по землѣ, онъ звенитъ о ледъ. Море реветъ, туманъ, клочья пѣны летятъ съ моря, низко несутся надъ землей тучи. Кажется, лишь однѣ чайки чувствуютъ себя здѣсь великолѣпно.

Это условленное мѣсто — «Ярокъ»: здѣсь встрѣчаются «водяники» (отправившіеся водой, какъ мы) съ «конниками», которые идутъ горой. Сегодня истекаетъ условный срокъ, и завтра мы можемъ тронуться

дальше въ путь и начать «гусевать», если позволитъ погода. Предстоятъ трудные волока: съ озера на озеро приходится тащить на себѣ «вѣтку» по землѣ.

Отсиживаюсь или, вѣрнѣе, отлеживаюсь въ палаткѣ. Все вокругъ пронизано холоднымъ туманомъ, сыростью и мокротой. Сейчасъ, кажется, вечеръ — —немного разъяснило и сквозь туманъ виденъ огненный шаръ солнца. Со мной библія. Взялъ ее не только для чтенія, но и какъ прессъ для батанической коллекціи — изъ послѣдняго, впрочемъ, ничего не вышло, такъ какъ библія черезъ день промокла насквозь. Читаю и наслаждаюсь южнымъ зноемъ, который есть въ ней, какъ вѣчный ароматъ ея. Совсѣмъ неожиданная для меня сторона въ библіи, которую я почувствовалъ только здѣсь, возлѣ сѣвернаго полюса.

Какая кругомъ грязь, сырость, дикость, грубость и какой собачій холодъ!

15 іюля.

Вотъ недѣля, какъ я живу въ землянкѣ среди болотъ и озеръ (бадараны и лайды), изъ которой ходимъ кругомъ промышлять гусей. Ходили четыре раза — изъ нихъ три раза удачно: добыли всего по сегодня свыше четырехъ тысячъ гусей. Сильно мѣшаетъ погода — частые туманы и вѣтра (дождь самъ по себѣ не считается препятствіемъ). Дни и ночи смѣшались — иной разъ, благодаря погодѣ и усталости, спимъ 17 часовъ подрядъ, иногда, наоборотъ, цѣлыми сутками на ногахъ. Мѣста вокругъ безотрадныя — или вода или болото, нѣтъ сухого мѣстечка, куда можно было бы поставить ногу — она уходитъ въ воду и вязнетъ въ болотѣ. Мохъ и жалкая блеклая трава — единственная растительность. Часты дожди и туманы, а мой термометръ больше 9 градусовъ тепла еще не показывалъ. Въ юртѣ насъ девять человѣкъ, головой я постоянно стукаюсь о потолокъ, ноги упираются въ стѣну, когда растянешься. Полъ — болото и потому «постели» (оленьи шкуры) постланы на дровахъ, которыя, кстати сказать, приходится сюда привозить съ собой, т. к. наноснаго лѣса здѣсь нѣтъ. Огонь на шесткѣ палитъ лицо, дождь пробиваетъ земляныя стѣны и вода бѣжитъ по подушкѣ, одѣялу, разливается по постели. Но тяжелѣе всего этого — жизнь вплотную, въ

тѣснотѣ и духотѣ: грязь, дикость поражающія. Но, конечно, все это пустяки, которыми не стоитъ смущаться, такъ какъ увидѣть, дѣйствительно, пришлось мнѣ много интереснаго.

Птицъ здѣсь много: гуси, чайки, разнаго рода утки, плавунчики — вода кишитъ ими. Гуси видны еще издали — какъ черные острова среди водъ. Собираются они огромными стаями. Увидѣвъ и услышавъ ихъ издали, гусники наскоро вырабатываютъ стратегическій планъ, партія дѣлится на нѣсколько отрядовъ и старается на вѣткахъ окружить ихъ. Спугнутый гусь ищетъ спасенія обязательно на водѣ и, когда вся стая въ нѣсколько тысячъ головъ бросается съ берега въ воду, слышенъ шумъ, какъ отъ водопада. Гуси окружены на водѣ — здѣсь ихъ держатъ часъ и больше, чтобы утомить ихъ. Все время они кричатъ, гогочутъ, бросаются изъ стороны въ сторону, напрасно стараясь приподняться надъ водой на безполезныхъ теперь крыльяхъ, изъ которыхъ выпали перья. Ихъ пугаютъ, кричатъ, плещатъ веслами — чтобы держались вмѣстѣ. Только немногимъ смѣльчакамъ удается прорываться сквозь кольцо вѣтокъ. Тѣмъ временемъ на сосѣднемъ берегу ставятъ большой петлей сѣть, къ которой потомъ постепенно и подгоняютъ гусей. Шумъ, топотъ, возня поднимаются среди нихъ, когда ихъ выгоняютъ на берегъ. Сила ихъ бываетъ такъ велика, что они иногда валятъ съ ногъ человѣка — еще бы: въ одинъ загонъ при мнѣ поймали сразу 2.400 гусей, (а бывали случаи, когда ловили сразу 7, 8 и 9 тысячъ). Въ сѣтяхъ ихъ избиваютъ, свертывая шею и выбрасывая наружу, отчего по ту сторону сѣти скоро образуются цѣлыя кучи. Картина избіенія отвратительна.

Сегодня мнѣ удалось снарядить въ путь десять крылатыхъ почтальоновъ съ вѣстью о себѣ. Надо было видѣть, какъ удирали мои почтальоны съ письмами на шеѣ. Господи, хоть бы одно письмо дошло! Одинъ изъ почтальоновъ плохо сознавалъ, что возложенное на него порученіе спасало ему жизнь, такъ какъ больно ущипнулъ меня за руку. Я смотрѣлъ на нихъ со смѣшаннымъ чувствомъ радости и зависти.

17 іюля.

Вчера ночью откочевали въ другое мѣсто — здѣсь, слава Богу, суше и потому можно поставить палатки. Я несказанно радъ этому, такъ какъ могу жить отдѣльно и самостоятельно, растянуться во весь ростъ, а главное — главное, жить хоть немного опрятнѣе. Боже, во что я превратился! Кожа у меня стала груба, какъ у крокодила, руки покрыты огромными мозолями, ссадинами и царапинами, кругомъ на одеждѣ гусиный пухъ, и самъ себѣ я кажусь чудовищемъ. Въ салонѣ я теперь былъ бы невозможенъ.

Сейчасъ вѣтеръ рветъ мою палатку, и стучитъ дождь. На зеленой Лайдѣ («лайда» — озеро), на берегу котораго мы расположились лагеремъ, ревутъ волны. Мои спутники все время непогоды играютъ въ карты (что меня очень угнетало при совмѣстной жизни въ юртѣ) — въ стуколку и какого-то еще «козла», а я растягиваюсь въ своей палаткѣ, укутываюсь въ заячье одѣяло — думаю и фантазирую. Ахъ, если бы у меня сейчасъ былъ аэропланъ!

18 іюля.

Сейчасъ 12 часовъ ночи. Дуетъ свирѣпый сѣверный вѣтеръ съ дождемъ, и я каждую минуту жду, что онъ сорветъ мою палатку и унесетъ ее въ озеро. Мой термометръ показываетъ всего лишь 1 градусъ тепла. Застылъ окончательно. Спать больше некуда — досталъ нѣсколько клочьевъ «Русскихъ Вѣдомостей» (старыхъ даже для меня), въ которые были завернуты вещи, и читаю. Врядъ ли у «Русскихъ Вѣдомостей» былъ когда-либо болѣе добросовѣстный и внимательный читатель. Каждая строчка газеты соединяетъ меня съ культурой — далекой, далекой жизнью. Сейчасъ даже мой домикъ въ Русскомъ Устьѣ кажется мнѣ отсюда верхомъ комфорта.

Въ отрывкѣ фельетона, который попался мнѣ на клочкѣ, есть цитата (вѣроятно изъ Гете):

O, wunderschön ist Gottes Erde,
Und schön auf ihr ein Mensch zu sein!

Кругомъ меня стужа, слякоть, дождь, вѣтеръ, небо покрыто косматыми тучами, на озерѣ бушуютъ грязные валы и все-таки это правда:

wunderschön ist Gottes Erde!

И какой тысячекратной красотой расцвѣтятся для меня теперь всѣ общепризнанныя радости и красоты жизни и вселенной —

und schön auf ihr ein Mensch zu sein!

Скорѣе, скорѣе къ нимъ — къ жизни, къ теплу и красотѣ! Эта мысль, эта мечта становится для меня съ каждымъ мгновеніемъ неотвязнѣе, все сильнѣе и настойчивѣе сверлитъ душу, сознаніе.

19 іюля.

Ночью было 2 градуса мороза. Вода въ чайникахъ подернулась ледяной коркой, палатки снаружи намерзли отъ дыханія и трава покрылась инеемъ. Тихо плыветъ туманъ. Утро блѣдно-серебристое, солнце съ трудомъ разгоняетъ туманъ.

— «Сегодня у насъ большой праздникъ — Серафимъ. Праздникъ новый, Серафимъ просвятился (воскресъ) недавно гдѣ-то за Якутскомъ — работать теперь грѣхъ». — Особенно тщательно умылись, нѣкоторые даже съ мыломъ, затеплили передъ образкомъ въ палаткѣ свѣчку, помолились и поздравили другъ друга за руку, а родственники перецѣловались. Чаю напились съ сахаромъ. — «Вотъ видишь, какъ мы тебя празднуемъ» — почти укоризненно обратился къ образку старшина, — «дай намъ вечеромъ хоть по 50 гуськовъ». — И такъ какъ работать въ праздникъ грѣхъ, засѣли на цѣлый день за карты.

21 іюля.

Серафимъ гусей не далъ, или, вѣрнѣе, ими пренебрегли, т. к. въ стадѣ было не больше 200 головъ. Вчера — Ильинъ день, и гусеваніе кончилось: партія начала расходиться — кто пошелъ по своимъ пастямъ (ловушки на песцовъ), налаживать ихъ, кто — дальше къ морю искать мамонтову кость, кто — какъ мы — домой. Да и пора — крылья у гусей сильно отрасли, черезъ 1-2 дня они совсѣмъ подымутся и улетятъ въ «наши» края (т. е. по Индигиркѣ). Мы возвращаемся домой — и теперь вотъ уже второй день сидимъ на берегу моря и ждемъ погоды, которая позволитъ намъ переплыть губу. Признаться, я радъ тому, что мы на обратномъ пути. Гусеваніемъ сытъ по горло — все, что можно было, высмотрѣлъ. Хочется отдохнуть хорошенько, потому что сильно усталъ. Вчера пришлось волочить вѣтку черезъ два большіе волока по землѣ,

и я совсѣмъ обезсилѣлъ. Второй разъ я, по правдѣ сказать, на гусей бы не поѣхалъ — слишкомъ трудно. Но что съѣздилъ одинъ разъ — тому радъ. Вѣдь изъ всѣхъ промысловъ гусеваніе здѣсь считается самымъ труднымъ и на него идутъ лишь работники, полные силъ и энергіи.

Хорошо бы сейчасъ очутиться у себя подъ кровлей, гдѣ нѣтъ ни холода, ни вѣтра, ни дождя, поставить самоваръ, сварить кашу и хорошенько выспаться въ чистой постели! Ой, пока мои желанія не идутъ дальше этого. Тотъ міръ, въ которомъ умываются по крайней мѣрѣ два раза въ день, ѣдятъ съ вилки и на чистой скатерти, пьютъ чай съ вареньемъ и печеньемъ, спятъ на простынѣ, каждый день (!) чистятъ зубы и продѣлываютъ еще много другихъ подобныхъ странныхъ и непонятныхъ манипуляцій — этотъ міръ кажется мнѣ отсюда потеряннымъ раемъ. Когда я разсказываю о немъ своимъ спутникамъ, то къ собственному удивленію и совершенно для себя неожиданно испытываю чувство гордости за культуру — даже не европейскую, а просто человѣческую. Они строго блюдутъ и исполняютъ всѣ христіанскіе обычаи, но въ душѣ каждаго живетъ закоренѣлый язычникъ и дикарь. Въ море они бросали «подарки» въ видѣ заготовленныхъ заранѣе пестрыхъ лоскутковъ за ту рыбу, которую оно имъ даетъ, и то мѣсто, гдѣ пили чай, украшаютъ палочками, между которыми натянуты нитки съ такими же лоскутьями: «гдѣ человѣкъ останавливался, тамъ, говорятъ, сендуха (т. е. тундра) три года радуется». Къ тундрѣ обращаются со словами «матушка сендуха», какъ къ морю — «матушка сине море». Они думаютъ, что сахаръ изготовляется изъ собачьихъ и человѣческихъ костей, совсѣмъ не могутъ вообразить, изъ чего дѣлается горчица (впрочемъ, они ее не любятъ: «она пахнетъ крѣпко», даже соль при ѣдѣ употребляется рѣдко) — и удивляются всѣмъ моимъ объясненіямъ. — «Ну, а отчего громъ гремитъ, навѣрное и ваши книги объяснить не могутъ» — увѣренно заявилъ мнѣ одинъ скептикъ — и сомнѣваюсь, чтобы моему объясненію происхожденія грома они повѣрили.

Кладу въ эту тетрадку бѣдную пушистую былинку, которая выросла на берегу суроваго, нелюдимаго океана — кромѣ нея здѣсь нѣтъ другихъ «цвѣтовъ», есть лишь мохъ и жалкая, еле зеленѣющая, трепещущая отъ вѣтра травка. Ее зовутъ здѣсь, эту бѣлую кисточку, «лебедой». Ея корни касаются вѣчной мерзлоты, а надъ головкой во время долгой девятимѣсячной зимы бушуютъ пурги. Олень, песецъ и чайки только видятъ ее. Пусть она передастъ свой робкій привѣтъ своимъ южнымъ братьямъ и сестрамъ, которыхъ такъ балуетъ и ласкаетъ солнце — жасмину и сирени, мимозѣ и орхидеѣ...

23 іюля.

Неудачное время выбрали мы вчера для переправы черезъ море. У берега было тихо, но чѣмъ дальше, тѣмъ море становилось безпокойнѣе, и выше подымались валы. Надо внимательно слѣдить за ними и подставлять имъ навстрѣчу весло — тогда волна проходитъ легче; но все же валъ хлещетъ черезъ бортъ и лодка наполняется водой. Но избави Богъ встать къ валу бокомъ — равновѣсіе потерять очень легко, и тогда — прощай навсегда. Старались держаться берега губы, но и въ этомъ мало утѣшенія: у берега сильный прибой и далеко идутъ въ море мели, которыя, пожалуй, еще непріятнѣе валовъ. Переплыть губу такъ и не могли — и промокшіе, продрогшіе, пристали къ берегу какого-то острова. Не помогли ни «Божья просвира», ни ладанъ, которые бросали разбушевавшемуся морю — «матушка, сине море, перенеси! матушка, сине море, не дай погибнуть православнымъ! прекрати погоду!» Сегодня море бушуетъ еще сильнѣе — высокіе валы съ ревомъ бьются о берегъ, и сильный вѣтеръ съ дождемъ срываетъ съ черныхъ волнъ пѣну. Будемъ отсиживаться.

Вчера дорогой увидали съ моря на берегу маленькихъ песцовъ — такъ называемыхъ «норниковъ» и троихъ изъ нихъ, несмотря на ярое сопротивленіе, добыли, вырубивъ топорами изъ обвалившагося и обмытаго моремъ берега. Теперь они бураго цвѣта и ростомъ съ большихъ щенятъ.

1 августа, Русское Устье.

Мелкій осенній дождь стучитъ въ окна, и вѣтеръ воетъ въ трубѣ. Но у меня въ комнатѣ тихо,

сухо, свѣтло и тепло — въ печкѣ весело трещитъ огонь, а на столѣ пыхтитъ самоваръ — я дома!

Господи, трудно описать то чувство физическаго отдыха и наслажденія, которое теперь испытываю! Вѣтеръ, непогода, дождь — все тамъ, за дверями. Здѣсь — домашній уютъ, книги, вещи, которыя говорятъ мнѣ такъ много. Я выспался (14 часовъ!), вымылся, переодѣлся, даже надушился и немного отдохнулъ, но, когда ложусь, мнѣ опять кажется, что вода мѣрно движется подо мною и надо соблюдать равновѣсіе. Вотъ томикъ Канта, о которомъ я такъ жалѣлъ, отлеживаясь подъ дождемъ въ палаткѣ съ библіей въ рукахъ — нѣтъ, библія слишкомъ величава и неподвижна, чтобы можно было подолгу жить съ ней. И я ласкаю маленькую книгу, какъ живое существо. Какъ удобно писать за столомъ. Откуда дуетъ вѣтеръ? какова погода на рѣкѣ? — да Богъ съ ними, мнѣ все это теперь трынъ-трава!

Разскажу, какъ я добрался домой.

Послѣднюю запись я еще дѣлалъ за моремъ подъ вой бури. Когда она немного стихла, отправились ночью дальше. Былъ туманъ и шелъ скверный холодный дождь, который для моихъ очковъ былъ сущимъ наказаніемъ. Предстоялъ послѣдній переѣздъ черезъ морскую губу — и онъ оказался самымъ сквернымъ: на самой «бороздѣ» (противъ впаденія рѣки Гусиной въ море) опять забушевала погода и поднялись валы пуще прежнихъ. Было страшно, сознаюсь откровенно. Но все же перебрались благополучно — отсюда хоть и далеко еще было до дому (90 верстъ), но дорога была сравнительно безопасна. Спутники мои пошли искать по обрывистому морскому берегу мамонтову кость — удалось найти одинъ клыкъ около сажени длиною. Обратная дорога была много труднѣе: 50 верстъ по узкой протокѣ отъ моря до Индигирки и 40 верстъ по рѣкѣ — все противъ теченія и вдобавокъ противъ сильнаго встрѣчнаго вѣтра. Да и силы были уже не тѣ. Чтобы не задерживать другихъ, а также изъ желанія избѣгнуть непріятнаго для моего самолюбія буксированія, я уѣзжалъ обыкновенно впередъ — ѣхалъ и ночевалъ одинъ. Такъ удалось мнѣ уѣхать впередъ по протокѣ верстъ на сорокъ. Чувство самостоятельности и полнаго одиночества въ дикой

совершенно пустынѣ испытывалось сильно. Дорогой стрѣлялъ утокъ, на ночь разбивалъ палатку, варилъ ужинъ и чай. По берегамъ встрѣчалось очень много дикихъ оленей. Порой, увидѣвъ меня, они останавливались, потомъ сразу бросались съ шумомъ въ воду, переплывали протоку, отряхивались и птицами уносились въ тундру. Одного оленя мнѣ удалось убить (этотъ эпизодъ будетъ когда-нибудь однимъ изъ моихъ лучшихъ «охотничьихъ разсказовъ») — и прекрасные вѣтвистые рога висятъ сейчасъ у меня на стѣнѣ. Измучила меня эта гоньба на вѣткѣ страшно — вечеромъ я почти падалъ отъ изнеможенія. Пальцы превратились въ какіе-то крючья, которые вовсе не желали разжиматься — вотъ и сейчасъ моя правая рука плохо дѣйствуетъ (почему именно правая, чертъ возьми?!) и я пишу съ трудомъ; очень боюсь, — а вдругъ это такъ и останется навсегда? Подъ конецъ я провелъ въ вѣткѣ 18 часовъ подрядъ и почти безъ перерывовъ сдѣлалъ 25 верстъ. Ѣхалъ день и ночь, всходило и заходило солнце (да, съ 20 іюля солнце начало закатываться — я радъ этому, потому что соскучился по милымъ звѣздочкамъ, съ ними какъ-то уютнѣе) — и добился того, что пріѣхалъ въ Русское Устье раньше всѣхъ. И очень хорошо сдѣлалъ, потому что пріѣхалъ сюда еще третьяго дня, а спутниковъ моихъ все еще нѣтъ — сейчасъ же послѣ моего пріѣзда разыгралась на рѣкѣ погода, которая, видно, и задержала ихъ внизу.

Въ самомъ Русскомъ Устьѣ сейчасъ никого нѣтъ, и меня встрѣтили въ немъ лишь стаи молодыхъ птичьихъ поколѣній и два одичавшихъ коня, бродившихъ между домами какъ какіе-нибудь дикіе мустанги — они усиленно добивались подойти ко мнѣ сзади, и я долженъ былъ отбиваться отъ нихъ палкой.

Ужасно удручаетъ меня мой аппетитъ — онъ сталъ совершенно неприличнымъ, только пообѣдаешь, опять хочется ѣсть. Балую себя манной кашей и киселями, кофе и какао, чай пью съ сухарями и масломъ (осталась еще малая толика сливочнаго масла отъ завѣтнаго кусочка изъ Амги) — словомъ, балую себя всѣмъ тѣмъ, чего совершенно былъ лишенъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца.

7/20 августа.

Плохи мои дѣла: настойчивый дождь добился таки своего — пробилъ крышу, и хата моя течетъ, какъ рѣшето. Капля то упадетъ на темя, то ударитъ въ развернутую книгу, то звонко стукнетъ по самовару. Разставилъ всюду миски и тарелки и лавирую между ними — скоро, пожалуй, придется надѣть дождевой плащъ. Спасаюсь у стола, надъ которымъ давно уже устроилъ солидныя загражденія. Вторая моя напасть пуще первой — мое путешествіе къ морю стоило мнѣ, оказывается, недешево. Напала на меня какая-то дурацкая слабость, спать все время хочу до неприличія, и вмѣстѣ съ тѣмъ — впервые въ жизни — безсонница! Къ тому же и правая рука никакъ не можетъ оправиться — чистый инвалидъ!

10/23 августа.

10 часовъ вечера. Солнце закатилось и на столѣ у меня горитъ свѣча, чему я очень радъ. Почему? Не знаю — можетъ быть просто потому, что надоѣлъ вѣчный день, соскучился по сумеркамъ и ночи. И темнота эта какъ будто роднитъ съ нашими краями и при свѣчѣ въ моемъ домикѣ становится уютнѣе. Почти три мѣсяца солнце безъ устали гуляло по небу — ну, развѣ это порядокъ? Зато теперь съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе чернѣетъ ночь и скоро — увы! — она совсѣмъ побѣдитъ свѣтъ. Но звѣздочекъ пока я все еще не могъ подкараулить.

16/29 августа.

Мое одиночество въ Русскомъ Устьѣ оборвалось и мнѣ его жаль — я сталъ нелюдимомъ. Пріѣхали два якута, нанятые строить здѣсь домъ — Батя и Кумма (у каждаго якута кромѣ оффиціальнаго христіанскаго есть еще свое якутское, часто курьезное имя — Табакерка, Наперстокъ, — а встрѣчаются и такія, что я сомнѣваюсь, можно ли ихъ произнести вслухъ, какъ имена нарицательныя, даже въ якутскомъ обществѣ). Ходятъ ко мнѣ пить чай и разговаривать — охъ мнѣ!

У Бати я лечу трахому. Слава моя докторская растетъ — на дняхъ верхомъ на оленяхъ пріѣзжалъ издалека (два дня пути) юкагиръ за лекарствомъ, которымъ я уже однажды ему помогъ. Одна старушка, у которой я вылѣчилъ дочь, простодушно

расхваливала меня такъ: «ты, дядюшка, лучше плохого доктора» — это было бы очень зло, если бы не было сказано совершенно чистосердечно. А характеристика правильная.

Насмотрѣлся и наслушался я здѣсь въ роли доктора. Вотъ что у меня записано о мѣстной дiагностикѣ и фармакопеѣ.

— «Дядя бокъ нартой прошибъ, не спитъ, не ѣстъ ничего, день и ночь стонетъ — видно сломалъ что внутри, — мы ему мѣдь пить даемъ». — Какую мѣдь? — «Да вотъ отъ чайника отскребываемъ». —

Оказывается, «мѣдь ломаное спаиваетъ» (напримѣръ, суставы).

Отъ «золотухи» (сыпь) «пьютъ золото» или серебро. Кладутъ золотой пятирублевикъ, колечко или серебряную чеканеную иконку въ чашку съ водой или чаемъ — воду эту пьютъ, помогаетъ. Также пьютъ отъ золотухи отваръ изъ ольховой коры, но здѣсь нужно обязательно выдержать срокъ — пить ровно сорокъ дней, иначе не поможетъ — или, какъ здѣсь говорятъ, будетъ «даромъ».

— «Жила, говорятъ, у меня лопнула внутри, скрипитъ какъ береста. Подкатитъ порой вотъ сюда, къ сердцу (показываетъ на животъ) и сосетъ, и сосетъ». —

— «Порошки твои выпилъ, спасибо, полегче стало. А пилюли зеленыя — вотъ онѣ. Ты говорилъ ихъ цѣликомъ глотать надо, а баба мнѣ и говоритъ: смотри, гритъ, какъ бы ты ихъ не раздавилъ зубами-то». — Попытка моя выгнать изъ пацiента солитеръ такъ и пошла прахомъ.

— «Зàвсе въ головѣ у меня шипитъ и шумитъ — жалуется слѣпая старуха — шипитъ и шумитъ — это, баютъ, въ можгу шипота». —

«Строители» думаютъ прожить здѣсь до Иванова дня (29 авг.), а потомъ, слава Богу, я еще недѣли на двѣ останусь одинъ — до возвращенья русскоустинцевъ на зимовья.

— «А не тоскливо тебѣ тутъ одному?» — участливо спросилъ меня вчера Кумма. Нѣтъ, не тоскливо — я тоскую, ой какъ тоскую по милымъ сердцу, душой и мыслями живу съ ними ежечасно, но предпочитаю быть наединѣ съ собой и своими книгами,

чѣмъ со здѣшними жителями. Одиночество, пустыня, жизнь среди природы и простыхъ людей — все это, конечно, прекрасно, но по секрету я самъ себѣ шепчу потихоньку: j'en assez! хочется снова немножко цивилизаціи. Согражданъ своихъ выслушалъ, высмотрѣлъ — и, простите, больше они мнѣ не интересны. Убогій, жалкій міръ, мысли, не идущія дальше заботъ о физическомъ благополучіи — интересовъ, кромѣ того, никакихъ, ѣсть, спать, играть въ карты — вотъ и весь кругъ жизни. Особенно близко могъ я къ нимъ присмотрѣться во время гусеванія, проживъ съ ними вплотную нѣсколько недѣль подрядъ — да вѣдь это XIII—XIV вѣкъ! Вотъ отрывокъ изъ разговора съ Гринькой — парень лѣтъ подъ 40, грязенъ феноменально; когда я съ нимъ разговариваю, стараюсь не слишкомъ къ нему приглядываться, а послѣ его визитовъ ко мнѣ, чтобы разсѣять его атмосферу, прыскаю въ комнатѣ скипидаромъ. Ходитъ онъ большею частью съ подвязаннымъ глазомъ: «щербитъ — рука отъ глаза не отходитъ» — а пальцы у него — коренья узловатыя. Разговоръ на политическія темы:

— Ты знаешь, какъ царя зовутъ? — «Нѣ-ѣ, не знаю. Вѣдь онъ новый». — Какой новый — ужъ 16 лѣтъ царствуетъ. — «Ну, я и говорю — новый». — А про войну съ японцами слыхалъ? «Слыхали», — оживляется онъ, — «слыхали». — Изъ-за чего же была? — «Сказываютъ, они больно на насъ насядали». — А побѣдилъ кто? — «Мы побѣдили, русскіе» — гордымъ, увѣреннымъ тономъ. — А слышалъ, что послѣ войны мы имъ половину Сахалина отдали? — «Ну, вотъ-вотъ, изъ-за этого Сахалина, сказываютъ, и война-то началась». — Такъ какъ же ты говоришь, что мы побѣдили, когда имъ же послѣ войны свою землю отдали? — «Ну, ужъ не знаю я этого. Ты знаешь — ты свѣтъ видѣлъ, а мы что?» —

Когда я имъ разсказываю о столичной жизни, высокихъ домахъ, поставленныхъ одинъ на другой, длинныхъ улицахъ, огромныхъ городахъ, всѣ въ одинъ голосъ восклицаютъ: «чудная Русь!» Не такъ ли отзывались о русскихъ чудесахъ дикіе татары 5 вѣковъ тому назадъ?

Но по сравненію съ мѣстными якутами и юкагирами русско-устинцы люди культуры — тѣ ужъ

просто дикари временъ Геродота, какіе-нибудь тавры или савроматы. Я не видалъ въ своей жизни людей грязнѣе и неопрятнѣе ихъ. Когда они приходятъ ко мнѣ въ гости и ихъ надо угощать чаемъ, стражду. Правда, нѣкоторымъ извиненіемъ является для нихъ то, что простое мыло, которымъ у насъ моютъ полы, стоитъ здѣсь 50 коп. фунтъ...

Нѣтъ, рѣшительно — да здравствуетъ мыло и цивилизація!

Вчера шелъ первый снѣгъ, а было всего лишь 15-ое августа!

26 августа.

Какъ мнѣ хочется вернуться къ людямъ, къ жизни! Что дѣлается тамъ? гдѣ кто? Какъ я ни тянулъ, газеты мои кончились: на дняхъ дочиталъ послѣднюю — «Русскія Вѣдомости» отъ 29 января. Арестъ въ Кіевѣ послѣ покушенія на Столыпина Кулябки, выборы председателя въ рейхстагѣ, 102 соціалъ-демократа, китайская республика — какъ въ романахъ, у меня все оборвалось «на самомъ интересномъ мѣстѣ». Нѣтъ, какого лейтенанта Глана изъ себя ни строй, но внѣ людей, внѣ культуры жить тяжело. Единственная и мало утѣшительная перспектива — превратиться въ дикаго звѣря.

6/19 сентября.

Пришла зима съ мягкимъ, пушистымъ снѣгомъ. Дни становятся короче, по ночамъ давно свѣтятъ звѣзды и луна. Скоро ударятъ морозы и завоетъ пурга. Знаю, что радоваться нечему, а вотъ сегодня утромъ, когда, проснувшись, увидѣлъ кругомъ ровную бѣлую пелену, испыталъ чувство, которое мой «Бой» выражаетъ болѣе ярко: онъ бѣгаетъ, какъ сумасшедшій, нюхаетъ и глотаетъ снѣгъ, разбрасываетъ его во всѣ стороны носомъ и самъ, очевидно, въ полномъ восторгѣ.

Послѣдніе дни меня совсѣмъ съ ума свели гуси. Они остаются долго и улетаютъ вмѣстѣ съ приходомъ снѣга и морозовъ. Осенью они собираются въ большія стада, перелетаютъ по тундрѣ и кормятся — «жируютъ», какъ говорятъ охотники. Близко подлетаютъ къ домамъ на разсвѣтѣ и при закатѣ солнца щипать травку. Осторожность ихъ въ это время не-

обыкновенна, — незамѣтно подойти къ нимъ, даже подползти, нечего и думать. Надо изучить ихъ привычки и, сдѣлавъ засаду, спрятаться. Я вставалъ въ 4 часа утра, караулилъ долгими часами, мерзъ, простужался — и изъ этой борьбы, долженъ сознаться, вышелъ побѣжденнымъ. За все время мнѣ удалось добыть лишь одного гуся. Зато издали могъ понаблюдать кое-что интересное изъ ихъ жизни. Третьяго дня улетѣли послѣдніе. Теперь изъ птицъ остались однѣ куропатки и, конечно, вѣчный стражъ сѣверной тундры — бѣлая сова.

Наблюденія за птицами были однимъ изъ главныхъ интересовъ моей лѣтней жизни здѣсь. Видѣлъ и научился многому интересному. Конечно, сдѣлано много ошибокъ, пропущено много хорошихъ случаевъ узнать больше и собрать коллекцію богаче. Долженъ признаться, что мнѣ значительно помѣшала сентиментальность...

Семья моя увеличилась — кромѣ «Боя» со мной живутъ еще двѣ утки — чирокъ и шилохвость — живутъ очень недружно, потому что маленькая (чирокъ) задорна и сварлива. Были у меня еще двѣ маленькія чечетки (вьюрки), которыя меня очень радовали — маленькія, живыя, съ малиновой шапочкой на головѣ; онѣ весело чирикали, прыгали и озабоченно клевали съ руки сѣмена, которыя я имъ собиралъ. И вдругъ третьяго дня обѣ почему-то умерли... Въ сѣняхъ, въ спеціально изготовленномъ маленькомъ срубѣ, сидитъ у меня песецъ — норникъ. Когда я прохожу мимо, онъ злобно рычитъ и сквозь щели я вижу, какъ сверкаютъ въ темнотѣ его фосфорическіе глаза. Приручить его, конечно, нѣтъ никакихъ надеждъ. Если бы я не ходилъ лѣтомъ къ морю, у меня теперь навѣрное вся изба была бы полна птицъ — птенцы выводятся какъ разъ въ іюлѣ, когда я отсутствовалъ. «Бой» крайне заинтересованъ всѣмъ моимъ звѣринцемъ, но я его теперь держу въ черномъ тѣлѣ и не позволяю спать въ избѣ.

Пора подводить итоги. Мѣсяца два вѣроятно еще придется прожить здѣсь, а потомъ въ путь, въ путь! Не буду обманывать себя — задачу я себѣ поставилъ очень трудную: бѣжать отсюда черезъ Колыму, Анадырь или Чукотскій Носъ въ Аляску...

Уже сейчасъ, чтобы только подойти къ этому плану, требуется много умѣнія, выдержки и осторожности. Но надо вѣрить въ свою звѣзду. Кто не рискуетъ, тотъ и не выигрываетъ. А выигрышъ для меня такъ великъ и такъ мнѣ нуженъ, что долго думать о рискѣ не приходится.

Man lebt ja nur einmal in der Welt!

Исподволь, потихоньку начинаю готовиться въ путь. Думаю объ одеждѣ, обуви, припасахъ. Сколько передумано уже мною обо всемъ этомъ — это уже наѣзженная, избитая дорога. Дорога ли?

7 сентября.

Вчера у меня было большое собраніе: пріѣхали опять за лекарствомъ знакомые юкагиры и привезли мнѣ четыре заказанныхъ мною «пыжиковъ» (шкуры молодыхъ оленей для одежды), въ качествѣ переводчиковъ пришли Куммà и Батя и еще двое якутовъ пришли «за компанію», — самоваръ мой высохъ моментально. — «Это что у него?» — слышу, спрашиваетъ юкагиръ (немного вѣдь по якутски я «слышу», какъ здѣсь говорятъ), показывая глазами на большую фотографическую карточку, которая виситъ надъ столомъ. — «Тангара!» — убѣжденнымъ шопотомъ отвѣчаетъ Куммà (Тангара — Богъ, икона).

Сидѣли долго, долго, весь домъ пропахъ вонючимъ табакомъ и не менѣе душистыми якутами. Охъ, не люблю я посѣтителей! А сегодня прикочевали еще двѣ семьи...

День холодный, и я чуть не отморозилъ себѣ рукъ, обмазывая жидкой глиной окна и трубу.

Чуть не забылъ — у меня важная новость. Вчера одновременно съ юкагирами пріѣхалъ еще одинъ русскій изъ Аллаихи, — его послалъ ко мнѣ (уже не въ первый разъ) хозяинъ за лекарствомъ — и привезъ мнѣ 1 пудъ ржаного хлѣба! Ура! вѣдь я уже 4 мѣсяца не видалъ свѣжаго хлѣба. Хотя мука какъ будто и прогорклая, но вкусъ хлѣба показался мнѣ восхитительнымъ (надо впрочемъ сознаться, что испеченъ хлѣбъ около недѣли тому назадъ). М-мъ Марія Бояркина, старая, жирная, отвратительная якутка, только теперь исполнила заказъ, сдѣланный мною еще весной. Теперь, значитъ, есть съ чѣмъ мнѣ истреблять икру. Сейчасъ ея пора — этой икры

сколько хочешь, выбрасываютъ даже собакамъ. А икра чудесная — осетровая, омулевая, муксунья...

12 сентября.

Вчера поздно вечеромъ вышелъ изъ дому — захотѣлъ найти звѣзду «Альдабаранъ» — вѣдь теперь открылось небо и я увлеченъ астрономіей... Вышелъ— и замеръ отъ восхищенія: половина неба была въ бѣломъ огнѣ. Свивались и развивались широкія сверкающія ленты, пучки свѣта вспыхивали то здѣсь, то тамъ. Скорѣе накинулъ пальто (уже 16 градусовъ мороза!) и снова выбѣжалъ на крышу, гдѣ просидѣлъ полчаса, пока не потухло небо. Но не объ этомъ я хочу сейчасъ разсказать.

Среди тихой морозной ночи я услышалъ звуки, которыхъ сначала не понялъ: какъ будто кто ударяетъ въ бубенъ. Звуки неслись изъ дома старосты. У него боленъ взрослый сынъ — онъ менерикъ, менерячитъ, т. е. боленъ кликушествомъ. Его бабушка, колымчанка, тоже была одержима этой болѣзнью и передала ее своему внуку. Съ нимъ бываютъ припадки, во время которыхъ онъ поетъ по русски, якутски и чукотски (не зная самъ чукотскаго языка), кричитъ — «я пришла, я пришла» — (т. е. бабушка его), впадаетъ въ безпамятство. Менериковъ здѣсь вообще много. Когда я услышалъ бубенъ, то сразу понялъ, въ чемъ дѣло: у Гриньки шаманъ, въ домѣ старосты шаманятъ! Изъ осторожныхъ и каверзныхъ вопросовъ узналъ сегодня утромъ, что предположеніе мое справедливо. И понемногу передо мной начинаетъ развертываться поразительная картина.

Семья старосты, какъ и всѣ здѣшніе жители, очень религіозна — «безъ Бога ни до порога». Каждый годъ постничаютъ и говѣютъ. Религіозность, конечно, совершенно формальная, обрядовая. У него захворалъ тяжелымъ недугомъ сынъ. Онъ зоветъ сверху Индигирки якута-шамана, зоветъ шарлатана Гуськова снизу и меня съ моими лекарствами. Этотъ Гуськовъ — типъ любопытный. Старый уголовный ссыльный, водворенный здѣсь на поселеніе, теперь возстановленный въ правахъ и здѣсь обжившійся. Полуграмотный, что даетъ ему возможность писать вздорныя кляузы и помогаетъ ему морочить людей. Онъ знаетъ «великія молитвы» отъ всѣхъ болѣзней (ко мнѣ также прихо-

дилъ за этими «великими молитвами» староста, но я вѣдь ихъ не знаю...), вычитываетъ ихъ по какой-то книгѣ, благодаря чему пользуется здѣсь престижемъ, который также даетъ ему и земныя блага. Какъ почти единственный здѣсь полуграмотный человѣкъ, онъ берется также «читать надъ покойникомъ», причемъ увѣряетъ, что для этой операцiи ему необходимо столько-то холста, полотенецъ, столько-то чая и другой снѣди — «такъ, молъ, дѣлается у насъ въ Россiи».

Шаманъ якутъ Лазарько — уже старикъ. У него очень интересное и выразительное лицо, острая сѣдая бородка и длинные волосы (послѣднее для шамана необходимо). Три года тому назадъ онъ ослѣпъ — «ослѣпили враги» — и на него «нашло»; съ тѣхъ поръ онъ и началъ шаманить. Шаманитъ онъ какъ слѣдуетъ — въ шаманскомъ костюмѣ, увѣшанномъ желѣзными подвѣсками и бляхами и съ бубномъ. Интересно, что онъ тоже каждый годъ постится и говѣетъ у священника.

И вотъ мы, три шамана, собираемся у больного: одинъ съ бубномъ, другой съ молитвой, третiй съ iодомъ (кромѣ всего прочаго у Гриньки болитъ бокъ). Впрочемъ, кажется iодъ одолѣваетъ. Но надо войти въ мое положенiе: вчера вечеромъ я далъ больному снотворное, чтобы онъ успокоился и отдохнулъ, о чемъ сообщилъ его роднымъ. Порошки мои ему дали, но Гуськовъ вычитывалъ изъ своей книги (я подозрѣваю, что это библiя) «великiя молитвы», а шаманъ всю ночь до разсвѣта билъ въ бубенъ и вопилъ неистово.

Но во что же вѣрятъ русско-устинцы? Въ Бога? Въ Злого Духа? Какая поразительная смѣсь всевозможныхъ суевѣрiй! Христосъ, евангелiе, великая молитва, священникъ, шаманъ, черная вѣра, абахы (Злой Духъ)...

Я читалъ и привыкъ вѣрить тому, что теперь шамановъ нѣтъ больше, что всѣ они вывелись. И, если бы не сѣверное сiянiе, не случай, я такъ и уѣхалъ бы отсюда съ такимъ убѣжденiемъ. А вѣдь я живу съ вѣрующими въ шамановъ и Злую Силу вплотную уже восьмой мѣсяцъ... Что удивительнаго, если о шаманахъ ничего не знаютъ случайно проѣзжающiе члены экспедицiи — «экспедиторскiе», какъ

ихъ здѣсь называютъ) и начальство, отъ которыхъ шамановъ тщательно скрываютъ? Сколько разъ заговаривалъ я и съ якутами и съ тѣмъ же старостой о шаманахъ и всегда слышалъ, что «они были прежде, но теперь ихъ больше нѣтъ». И сегодня мнѣ нужно было проявить ловкость, чтобы поймать старосту на противорѣчіяхъ и узнать кое-что. У брата старосты, напр., хроническое воспаленіе глазъ. Уже нѣсколько разъ «пользовалъ» его шаманъ, но безуспѣшно — «огонь есть въ глазу — онъ его (т. е. Злого Духа въ шаманѣ) не подпускаетъ». — И мои цинковыя капли оказались дѣйствительнѣе.

Старикъ сосѣдъ, разсказывавшій мнѣ сегодня о шаманахъ (но лишь тогда, когда узналъ, что о Лазарько мнѣ все извѣстно, — а сколько разъ раньше онъ отнѣкивался при разговорахъ на эту тему!), смѣялся надъ ними, — очевидно, чтобы подладиться ко мнѣ. — «Не люблю я ихъ» — говорилъ онъ. — Ну, а вѣришь все-таки? — Подумалъ немного и сказалъ серьезно: «Ну, ужъ развѣ, если очень сильно захворалъ, позвалъ бы шамана». — Да и что еще надо, когда самъ священникъ такъ говоритъ о шаманахъ: «Который помогаетъ, пусть шаманитъ, а вотъ обидно, если помочи нѣтъ».

Много бы я далъ, чтобы увидать шамана въ дѣйствіи, его «камланье», снять съ него карточку въ его кафтанѣ и съ бубномъ. Но, кажется, это напрасная надежда — сколько дипломатическихъ хитростей пустилъ я сегодня въ ходъ — не хочетъ и боится, что я буду о немъ разсказывать. Скрываютъ они отъ постороннихъ свои тайны старательно и, нужно признать, ловко.

А что шамановъ здѣсь много, въ этомъ я могъ убѣдиться изъ того, что только сегодня изъ нѣсколько болѣе, чѣмъ прежде, откровенныхъ разговоровъ я съ достовѣрностью узналъ о четырехъ шаманахъ съ ихъ мѣстожительствомъ — три якута и одинъ юкагиръ.

23 сентября.

Въ продолженіе этихъ десяти дней я гонялся за шаманомъ, какъ за гусемъ — съ тою только разницей, что на этотъ разъ вмѣсто ружья у меня былъ въ рукахъ фотографическій аппаратъ — но потерпѣлъ

неудачу: мнѣ не удалось его сфотографировать. Теперь всѣ воды замерзли и его увезли домой. Не судьба! А какая у него рожа!..

Съ каждой ночью небо становится прекраснѣе. Астрономія, право, чудесная наука! Подумать только: Арктуръ пролетаетъ 450 километровъ въ секунду, «съ каждымъ прожитымъ днемъ мы ближе къ созвѣздію Лиры на полтора милліона километровъ. Съ каждой фразой, которую мы произносимъ, съ каждымъ шагомъ, который мы дѣлаемъ на улицѣ, мы приближаемся къ этимъ свѣтиламъ на цѣлые километры»... «Туманность Андромеды въ 6 милліоновъ разъ больше солнца, и вся наша солнечная система по сравненію съ нею только песчинка»... Казалось бы все это должно вызвать чувство «смиренно-мудрія»... Какая-то инфузорія, отдѣленная отъ своей привычной жизни на жалкія 12.000 верстъ, терзается мыслью о томъ, что не можетъ одолѣть этого разстоянія! А вотъ поди же! Эта инфузорія ежечасно думаетъ теперь объ одномъ: какъ лучше, какъ удачнѣе уѣхать отсюда и скорѣе добраться до завѣтнаго пункта. Живу въ полосѣ ликвидаціи — все кончаю, всему подвожу итоги и понемногу готовлюсь въ путь — и все это тщательно скрываю отъ окружающихъ. Мой отъѣздъ долженъ быть для моихъ согражданъ неожиданнымъ.

30 сентября.

Вчера вернулся изъ гостей — два дня провелъ у юкагировъ. Теперь самое горячее время для ловли песцовъ собаками, и въ погонѣ за ними юкагиры придвинулись къ Русскому Устью. На этотъ разъ они раскинули три «тордоха» (палатки изъ оленьей ровдуги, т. е. выдѣланной оленьей кожи), всего лишь въ 30 верстахъ отсюда. Юкагиры — кочевое племя, какъ чукчи, ламуты, тунгусы. У нихъ нѣтъ «дома», ихъ родина — тундра вообще, «мѝ-оре», какъ они называютъ ее. Лѣтомъ они бродятъ по ярамъ и «камню», разыскивая мамонтову кость, гоняются за дикимъ («божьимъ», какъ здѣсь говорятъ) оленемъ, немного промышляютъ рыбу (но рыбаки они плохіе и совсѣмъ не умѣютъ заготовлять ее впрокъ), зимой промышляютъ песца. Но основной ихъ промыселъ,

которымъ они живутъ и дышутъ — оленеводство; стада у нихъ въ сотни и тысячи головъ — олень ихъ кормитъ, возитъ, одѣваетъ и обуваетъ. Олень не можетъ долго оставаться на мѣстѣ, надо мѣнять пастбище — и юкагиры нигдѣ и никогда не заживаются долго на одномъ мѣстѣ. Благодаря близости русскихъ здѣшніе юкагиры сильно обрусѣли, у нихъ бываетъ сахаръ, стеариновыя свѣчи, нѣкоторые даже носятъ русскую одежду (т. е. вѣрнѣе якутско-русскую), знаютъ нѣсколько русскихъ словъ, хотя и не умѣютъ ихъ связывать вмѣстѣ. Все это, конечно, не мѣшаетъ имъ быть совершеннѣйшими дикарями.

Пріѣхалъ я къ нимъ изъ Русскаго Устья на собакахъ — взялся меня свозить къ нимъ въ гости одинъ русско-устинецъ, причемъ въ запряжкѣ съ другими собаками впервые работалъ также мой «Бой», — старался, бѣдняга, но выходило у него еще довольно плохо.

Встрѣтили меня очень радушно: вышли съ поклонами, провели до тордоха подъ руки — такова проформа встрѣчи почетныхъ гостей, — посадили на кучу оленьихъ шкуръ, угощали оленьимъ языкомъ, сырымъ мозгомъ изъ ножныхъ костей, копченымъ мясомъ, нарѣзаннымъ маленькими кусочками и топленымъ саломъ оленя. На ночь устроили подъ особымъ пологомъ, какъ подъ балдахиномъ, на почетномъ мѣстѣ, подъ иконой.

Въ эту пору песцовъ добываютъ всего больше. Добываютъ его при помощи собакъ. Снѣгъ пока до пургъ лежитъ всюду еще рыхлый, поэтому песецъ бѣжитъ въ немъ съ нѣкоторымъ трудомъ, и собака, у которой ноги длиннѣе, чѣмъ у песца, черезъ нѣсколько верстъ погони его догоняетъ, а догнавъ, въ ожесточеніи на него бросается и загрызаетъ до смерти. Хотя песецъ теперь и не «полный», но и недопесокъ цѣнится высоко — у недопеска шерсть нѣсколько короче, чѣмъ у «полнаго» и не такъ бѣлоснѣжна. Снѣгъ выпалъ въ этомъ году хорошій, и пурги не успѣли еще его изломать, и потому собака ловитъ теперь песца хорошо. А песцовъ множество — давно не запомнятъ такого года. Промышляютъ хорошо: съ утра выѣзжаютъ на оленяхъ съ парой промышленныхъ собакъ, и каждая нарта къ вечеру привозитъ по два, по четыре песца.

Знакомился, разсматривалъ, снималъ карточки,

Хозяйка моего тордоха была очень недурна собой даже съ нашей точки зрѣнія — у нея правильный носъ и тонкія, даже изящныя губы, зато у другой юкагирки въ сосѣднемъ тордохѣ носъ и щеки выступаютъ на лицѣ тремя большими шишками, губы въ два пальца толщиной, но румянецъ — блистательный. Можетъ быть юкагирамъ она кажется красавицей. У женщинъ на груди нашиты большія мѣдныя бляхи, кожаный передникъ изукрашенъ бусами, мѣдными кольцами и стеклярусомъ — виситъ даже колокольчикъ, который мелодично звенитъ при каждомъ движеніи. — «Когда я увидала тебя въ Русскомъ Устьѣ, испугалась, — а теперь мнѣ не страшно» — кокетливо объяснялась со мной черезъ толмача красавица, и въ доказательство своего расположенія подарила мнѣ песца. Безъ подарковъ юкагиры никого не отпускаютъ — особенно почетныхъ гостей, а вѣдь легенда здѣсь говоритъ, что къ моему отцу «царь ходитъ чай пить» (впрочемъ, царь — здѣсь лицо совершенно мифическое). Я имѣлъ неосторожность похвалить у одного юкагира шапку (изъ шкурокъ только-что родившагося оленя — легкая, какъ пухъ, теплая, очень изящная) — и онъ сейчасъ же ее снялъ и отдалъ мнѣ; отказаться нельзя — хорошій тонъ требуетъ за подарокъ заплатить подаркомъ. Въ заключеніе я уѣхалъ въ новой шапкѣ, нагруженный копчеными оленьими языками, съ четырьмя песцами и съ обѣщаніемъ сшить мнѣ чукотскіе мѣховые штаны и мохнатые сапоги (все изъ бѣлаго оленя съ разными украшеніями — теплые, удобные, для дороги незамѣнимые) и юкагирскія рукавицы, которыя не боятся никакихъ морозовъ.

Одного изъ этихъ юкагировъ я лѣтомъ лечилъ, и онъ изъ особаго уваженія вызвался самъ довезти меня домой на оленяхъ — онъ меня даже просилъ объ этомъ, считая это особой для себя честью. Когда пригнали стадо, онъ поймалъ арканомъ двухъ почти дикихъ мало ѣзженныхъ оленей (онъ берегъ ихъ съ прошлой осени для какого-нибудь торжественнаго случая, ни разу не запрягая), и мы помчались, какъ птицы.

6 октября.

Если бы не сознаніе того, что всѣ мои теперешнія

хлопоты и заботы связаны съ отъѣздомъ, жизнь здѣсь казалась бы мнѣ теперь совсѣмъ невыносимой. Сижу въ домѣ, какъ замуравленный — съ утра до ночи по горло всякихъ дѣлъ: готовлюсь въ путь, привожу въ порядокъ все собранное здѣсь за 9 мѣсяцевъ. Неужели я, правда, прожилъ здѣсь столько? Да я съ ума сошелъ!

Въ душѣ постоянное волненіе — прошло столько времени полной неизвѣстности. И мучаетъ меня одно — что за это время могло совершиться что-нибудь непоправимое. Боюсь смерти. Эта боязнь доводитъ меня почти до галлюцинацій — что если умеръ кто-нибудь изъ близкихъ?

Нѣтъ, надо ѣхать, скорѣе ѣхать — а то тутъ одинъ Богъ знаетъ, до чего дойдешь!

7 октября.

Приходятъ дикія мысли и настроенія. Вчера уже въ постели вдругъ мнѣ пришла мысль, что я сейчасъ умру. Я уже представилъ себѣ, какъ утромъ начинаетъ выть «Бой» и скрестись лапами въ дверь, какъ приходятъ ко мнѣ въ домъ и находятъ мое тѣло на постели, какъ потомъ закапываютъ меня въ мерзлую землю около часовни. И стало такъ страшно, что сердце забилось тревожно — страшно отъ сознанія остаться здѣсь. И я долженъ былъ собрать всю свою волю, чтобы разсмѣяться надъ самимъ собой. И все-таки провелъ скверную ночь. А сегодня вдругъ напала апатія, все валится изъ рукъ, все безразлично. Пошелъ бродить по сугробамъ — нѣтъ помощи.

19 октября.

Четвертый день воетъ пурга. Стѣны промерзли и сквозь нихъ пробиваются струйки холоднаго воздуха. Къ утру въ домѣ бываетъ 10 градусовъ мороза. Бр-рр! Мерзнутъ чернила, замерзаетъ вода въ умывальникѣ. Нѣтъ, надо было мнѣ выѣхать отсюда еще въ серединѣ сентября — сдѣлана большая ошибка.

Фотографированіе, препарированіе птицъ, записи — вотъ кругъ, изъ котораго я не выхожу уже цѣлыхъ двѣ недѣли. Замучился. Вчера снялъ на сонъ грядущій съ полки Риля (Риля, Бергсона и Канта я волочу всюду за собой отъ Петербурга по всѣмъ тюрьмамъ и этапамъ — какъ каторжникъ свое ядро) — читать на сонъ философію, развѣ это не кощунство?

И Риль такъ меня захватилъ, что я взялся за него опять утромъ. Трудно описать то наслажденіе и даже радость, которыя испытываю при чтеніи. Мысли вовлечены въ давно знакомую и полузабытую колею, вспоминается студенческая келья и жизнь съ бурями въ стаканѣ воды, жизнь ясная и тихая, какъ глубокій прозрачный ручей. Да здравствуютъ колбасники! — они внушили намъ закваску, цѣну которой трудно измѣрить: жажду знанія. Господи! Господи! если бы въ суткахъ было не 24 часа, а вдвое больше. Какимъ-то чудомъ Риль утащилъ меня Богъ знаетъ куда: взялъ серьезно и тихо за руку и увелъ прочь отъ пурги, отъ морозовъ, заботъ и тревогъ сегодняшняго дня. Увелъ и поставилъ: «вотъ!» — и я увидѣлъ, что важно это, именно это, а не то, что меня окружало. Und kurz ist unser Leben! Какъ хорошо бы взять съ собой эту книгу въ дорогу! Тамъ гдѣ-нибудь, въ звѣриной палаткѣ звѣроподобнаго чукчи, опять открою ее и опять Риль уведетъ меня въ далекій край, гдѣ не надо думать объ оленяхъ и ночлегѣ, гдѣ живутъ лишь однѣ свободныя, гордыя мысли. Миленькій ты мой!

24 октября.

Опять только что вернулся отъ юкагировъ — на этотъ разъ ѣздилъ не въ гости, а по дѣлу — сами пріѣзжали за мной. Еще съ лѣта хворалъ у нихъ 4-хъ лѣтній мальчишка, и мое заглазное леченіе помогало ему плохо. Теперь лично убѣдился, какъ и предполагалъ, что у парнишки запущенный бронхитъ, предписалъ немедленно перевезти его въ жилое мѣсто, въ домъ (вѣдь въ «тордохѣ» ночью бываютъ теперь тѣ же 35 градусовъ мороза, что и снаружи — какъ же тутъ выздоровѣть), далъ лекарство.

Этимъ случаемъ мнѣ было очень удобно воспользоваться для переговоровъ о моемъ выѣздѣ. Важно обрѣзать ниточку въ самомъ Русскомъ Устьѣ. Черезъ пять дней ѣду, ѣду! Самъ не вѣрю этому счастью и много тревогъ копошится въ душѣ, удадутся ли мои планы. Съ нами Богъ!

У этого юкагира около тысячи оленей. Когда все стадо спустилось къ тордохамъ, казалось, будто во-

кругъ кипитъ море. А какіе среди оленей есть красавцы! Бѣлые, какъ снѣгъ, съ огромными вѣтвистыми рогами и гордой поступью.

Дружбу съ юкагирами заключилъ великую. «Въ первый разъ тебя видимъ, а ты намъ, какъ родной, сталъ» — разговоръ, конечно черезъ переводчика.

Съ этими юкагирами кочуетъ и семья красавицы. Отъ нея я получилъ обѣщанныя великолѣпныя оленьи мохнатыя рукавицы — «бѣлыя, какъ ледъ». Хотѣлось бы мнѣ, чтобы сейчасъ увидали меня въ Москвѣ въ моемъ дорожномъ костюмѣ: чукотскіе «соединенные штаты» тоже получилъ. Они тоже, какъ снѣгъ, бѣлы и, право, очень изящны. Теперь я весь зашитъ въ оленью шкуру, какъ чукча — это великолѣпно. Могу кататься и барахтаться въ сугробахъ снѣга и ни одна его пушинка не проникнетъ за платье.

29 октября.

Уфъ!

Эти дни у меня было совершенное столпотвореніе. Упаковка, сортировка, сборы. Вокругъ зіяютъ открытые ящики, по полу разбросаны груды разнаго рода вещей, и я еле лавирую вокругъ этого хаоса, потерявъ терпѣніе, силы и голову... Сегодня должны были пріѣхать мои юкагиры, и я совсѣмъ собрался въ путь, но ихъ нѣтъ — будутъ, вѣроятно, завтра, а потому у меня выпалъ спокойный вечеръ, чему я радъ несказанно.

Надо ли говорить, въ какомъ нетерпѣніи я теперь живу. Но если взглянуть хладнокровно на мое положеніе, такое состояніе должно показаться смѣшнымъ. Впереди меня ждутъ милліоны случайностей, изъ которыхъ каждая въ силахъ опрокинуть всѣ мои планы. Тѣмъ слаще и дороже будетъ побѣда, а я должен ъ побѣдить!

Думы несутся далеко, далеко впередъ и только одна противная несчастная деталь меня самого — тѣло мое — остается позади и, какъ гиря, тянетъ внизъ. Подожди же, справлюсь и съ тобой!

31 октября.

Сижу и нервничаю — барометръ падаетъ, воетъ пурга, юкагировъ нѣтъ. Появившіеся въ окрестностяхъ волки, вѣроятно, разогнали у нихъ оленей. За эти нѣсколько дней Русское Устье, съ которымъ я

мысленно простился уже навѣки, мнѣ опротивѣло и я страстно мечтаю очутиться опять одному на нартѣ среди молчанія и стужи, отдавшись во власть думъ и мечтаній — ибо что еще можно дѣлать въ дорогѣ? Скорѣе, скорѣе!

Вечеромъ.

Ура! Ура! Пріѣхали юкагиры и завтра я ѣду. Ѣду! ѣду! ѣду!

Въ тордохѣ у юкагировъ, 2 ноября.

Вчера выѣхалъ изъ Русскаго, сегодня весь день долженъ провести у юкагировъ, чтобы отдохнули олени, а завтра ѣду дальше — до Аллаихи осталось еще 80 верстъ.

Сейчасъ сижу въ тордохѣ, передо мной на землѣ горитъ огонь, и дымъ ѣстъ глаза. Сижу въ шубѣ — иначе замерзнешь или простудишься: лицо жжетъ костеръ, спина мезнетъ. Весь день — вечеръ наступаетъ уже около трехъ часовъ — наблюдаю жизнь въ тордохѣ. Эта жизнь не очень сложна. Мужчины съ утра поѣхали по пастямъ, добыли одного песца, пригнали и осмотрѣли оленей, которые сейчасъ расположились вокругъ. Женщины что-то шьютъ, готовятъ ѣду, наливаютъ чай. Трудъ строго распредѣленъ — первые добываютъ и пріобрѣтаютъ, послѣднія — заботятся о хозяйствѣ; онѣ хранительницы огня, подкладываютъ дрова, варятъ мясо, чистятъ рыбу, и мужчины въ ихъ работу не вмѣшиваются.

Слѣва отъ меня сидитъ преуморительная старуха. Надо посмотрѣть, какія гримасы она корчитъ, подкладывая сквозь дымъ костра дрова, съ какимъ видомъ вертитъ въ рукахъ сахарницу или спичечницу — настоящая обезьяна. Глава тордоха — старикъ Тыкыллы (этимъ лѣтомъ у него умерла молодая жена), у него мальчикъ 4-хъ лѣтъ (мой паціентъ, до сихъ поръ еще, вопреки моимъ настояніямъ, живущій въ тордохѣ) и дѣвочка — 6-ти. Онъ не разстается съ мальчикомъ и никакого рѣшительно вниманія не обращаетъ на бѣдную дѣвочку — она находится всецѣло подъ покровительствомъ старухи. У дѣвочки, какъ у взрослой женщины, къ переднику тоже подвѣшенъ колокольчикъ, трубка (которую она великолѣпно куритъ), нитки изъ оленьихъ сухожилій и кресало для огня.

Тоскливый день. Долго любовался оленями, но и это надоѣло — да и холодно очень. Попытки разговора напоминаютъ мнѣ мои разговоры съ японцами. А грязь какая — ой, ой, ой! Прежде чѣмъ налить мнѣ чаю, старуха облизываетъ кругомъ мой стаканъ языкомъ; ихъ сахаръ, завернутый въ какія-то грязныя тряпки, отзывается кислятиной. Я больше налегаю на строганину — эта, по крайней мѣрѣ, чистая. Вся обстановка довольно тягостная, но на душѣ легко — какъ бы то ни было, первый шагъ сдѣланъ: я выѣхалъ.

Написалъ это, оглянулся — все населеніе тордоха съ напряженнымъ любопытствомъ смотритъ на меня: вѣроятно, въ ихъ присутствіи пишутъ впервые — да и понимаютъ ли они, что я дѣлаю?

3 ноября.

Что значитъ выйти «въ свѣтъ» — сколько впечатлѣній, сколько новостей! Остановился на ночеву въ якутскомъ поселкѣ «Тытахъ» — 30 верстъ отъ Аллаихи. Ростущій здѣсь, въ ростъ человѣка, кустарникъ показался мнѣ роскошной растительностью, а крутые и высокіе берега рѣчки — очень живописными. А какія новости! Два якута недалеко отъ Усть-Янска въ морѣ видѣли «красный пароходъ въ 70 верстъ длиною». Полагаютъ, что это японскій. И хотя храбрецы спрятались, но все же оба потомъ захворали.

Якутская юрта — какъ все здѣсь знакомо. Якуты, ребятишки, женщины, въ камелькѣ ярко пылаетъ огонь, трескотня оживленнаго якутскаго разговора — я уже отвыкъ отъ всего этого за время своей жизни среди русскихъ. Все-таки здѣсь культура по сравненію съ тордохомъ юкагировъ — есть столъ, стулья, а какъ я сегодня высплюсь, вытянувшись во весь ростъ! И глаза отдыхаютъ отъ дыма!

5 ноября, Аллаиха.

Вчера добрался до Аллаихи — какъ бы то ни было, но отъ Русскаго Устья сдѣлано уже 120 верстъ. Конечно, по сравненію съ остальнымъ путемъ это почти ничто, но и это «ничто» надо проѣхать. Остановился въ казенномъ домѣ, маленькой юртешкѣ, перегороженной на двое — въ одной половинѣ живетъ сторожъ-якутъ съ семьей, въ другой расположился

я. Холодно и неуютно, зато не приходится самому заботиться о камелькѣ и чаѣ, — а я отвыкъ отъ чужихъ услугъ и онѣ пріятны.

Десять домовъ считается въ Аллаихѣ — и все якуты (кромѣ священника, который, впрочемъ, на нѣсколько дней уѣхалъ съ требами въ окрестности), не·говорящіе и не понимающіе по русски.

6 ноября.

Если бы не было со мной Пушкина и... «Боя», не знаю, что бы со мной стало. Такая тоска навалилась. Вчера еще къ тому же простудился и чувствовалъ себя весь день очень скверно — казался себѣ очень несчастнымъ. Бр-р! какъ холодно въ этомъ самомъ казенномъ домѣ! Сегодня было на улицѣ уже 40 градусовъ. Ничего въ волнахъ не видно. А ну, какъ придется свернуть паруса?

8 ноября.

Живетъ въ Аллаихѣ старая, необычайно толстая якутка — Марья-эмяксинъ (т. е. старуха Марья). Это — некоронованная королева Аллаихи. Пользуется далеко вокругъ большимъ вліяніемъ и почетомъ. Торгуетъ, какъ каждый уважающій себя якутъ. Живетъ «въ беззаконномъ развратѣ» съ якутомъ, котораго, вѣроятно, какъ «мужа царицы», произвели въ «выборные». Она владѣетъ единственной здѣсь русской печью, которая пекла хлѣбъ и для меня. Ко мнѣ Марья-эмяксинъ благоволитъ и называетъ «сыномъ». Каждое утро хожу къ ней пить чай съ гвоздикой и баранками (это здѣсь большое лакомство) и разговаривать черезъ толмача разговоры — что еще тутъ можно дѣлать? Впрочемъ, я еще лечу ее — она, кажется, объѣлась — это ея хроническое состояніе. Сегодня выборный былъ у меня съ отвѣтнымъ визитомъ. Мой якутскій лексиконъ слишкомъ скуденъ для оживленнаго разговора, запасъ словъ скоро у меня истощился и я сталъ угощать своего гостя чаемъ съ сгущеннымъ молокомъ (молоко здѣсь большая рѣдкость) и мы, какъ два идіота, долго молчали, посматривая на камелекъ.

Морозъ крѣпнетъ съ каждымъ днемъ — сегодня онъ дошелъ до 42 градусовъ. Рубиновое солнце показывается лишь въ 11 часовъ утра, а въ 1 часъ

5*

прячется скорѣе обратно. Небо играетъ малиновыми, розовыми и лиловыми тонами. Воздухъ неподвиженъ. Дымъ изъ трубъ поднимается высокими прямыми столбами, которые подпираютъ небо. На небосклонѣ виситъ мѣдная луна и каждую ночь играетъ сѣверное сіяніе. Порою гулко лопается отъ мороза земля и кажется, будто она разсядается подъ ногами.

Во всемъ этомъ есть своеобразная прелесть.

Послѣдній годъ я прожилъ въ такихъ странныхъ, непривычныхъ условіяхъ, что не знаю, съ чѣмъ могъ бы сравнить свою жизнь. Когда во снѣ я вижу прошлую жизнь въ фантастическомъ, часто искаженномъ освѣщеніи, мнѣ кажется, будто я заглядываю въ міръ волшебной сказки. Порою такъ хочется увидѣть солнце, цвѣты, услышать милые голоса, вмѣстѣ весело посмѣяться — но все это, и ласка, и тепло, и смѣхъ такъ безконечно сейчасъ далеки отъ меня. Вспомнишь иной разъ о чемъ-нибудь хорошемъ — и сердце сожмется. Я увѣренъ, что, если я вернусь къ нашей обычной жизни, она мнѣ будетъ казаться сплошнымъ восторгомъ и наслажденіемъ. И я боюсь сдѣлаться сибаритомъ...

9 ноября.

Иногда мнѣ кажется, что я строю карточный домикъ — одно неосторожное движеніе — и вся моя воздвигаемая съ такимъ трудомъ постройка рухнетъ.

Сейчасъ весь вечеръ просидѣлъ у выборнаго и плелъ ему разныя небылицы — и воздвигъ цѣлый этажъ: мой домикъ сталъ выше, но крѣпче ли?

12 ноября.

Вотъ уже недѣля, какъ я каждодневно наслаждаюсь обществомъ Марьи-эмяксинъ. Надо представить себѣ женщину средняго роста, лѣтъ 50—60, въ ширину она занимаетъ мѣста ровно въ половину меньше, чѣмъ въ высоту. Лицо заплыло въ мягкихъ и жирныхъ складкахъ, среди которыхъ совершенно потерялся носъ, глаза, хотя и спрятались гдѣ-то очень далеко, бѣгаютъ живо и ничего не пропустятъ мимо. Щеки висятъ двуми жирными мѣшками, ротъ мягкій, добрый. Она одѣта въ мѣховую кофту и порой еще кутается

въ одѣяло, хотя въ юртѣ у нея всегда такая удушливая жара, что бѣдный выборный (жертва ея любви) вѣчно страдаетъ головными болями.

Марья-эмяксинъ рѣдко двигается сама по юртѣ; она обычно сидитъ на своемъ необъятномъ ложѣ, прикрытомъ периной, съ трудомъ сложивъ на животѣ короткія, толстыя руки. Это не мѣшаетъ ей быть очень дѣятельной — то и дѣло она отдаетъ какія-то приказанія работникамъ, иногда очень сердитымъ тономъ, кричитъ на ребятишекъ, которые почему-то всегда вертятся въ ея юртѣ, порой неожиданно громко среди спокойнаго разговора кричитъ рѣзкимъ голосомъ — ча! ча! — это относится къ собакамъ, которыя тогда съ виноватымъ видомъ бросаются въ дверь. Когда приходитъ гость и его, слѣдовательно, согласно якутскому обычаю, надо немедленно угощать чаемъ, она, кряхтя, выдвигаетъ изъ-подъ постели (это, собственно, не постель, а нары — «урунъ» — какъ во всякой якутской юртѣ) ящикъ, отпираетъ его ключемъ и достаетъ изъ него чай, сахаръ, баранки. Всѣ эти драгоцѣнности у нея всегда подъ замкомъ, впрочемъ, чтобы скорѣе все это достать, она иногда закладываетъ все это подъ свою перину, на которой сидитъ. Юрта ея всегда полна народа, потому что каждый пріѣзжій считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать ей визитъ и разсказать всѣ ему извѣстныя новости — и я врядъ ли ошибусь, если скажу, что она пьетъ чай разъ 15—20 въ день. Хоть и владѣтельная королева, она все же, повидимому, очень добродушна — сужу объ этомъ потому, что она часто смѣется, отчего ея необъятный животъ грозно трясется.

Ко мнѣ она очень благоволитъ — часто называетъ — «бараксанъ» (бѣдняжка, — ласкательное слово) и угощаетъ меня какими-то специальными длинными конфетами въ нарядныхъ бумажкахъ, медомъ и даже пшеничными аладьями на маслѣ (изысканнѣйшая въ этихъ краяхъ «русская» ѣда), часто приговаривая — «кушай — да!» — единственное, кажется, русское слово, которое она знаетъ.

Вчера было воскресенье и къ якуткѣ-сторожихѣ пришли въ гости двѣ русскія дѣвицы, откуда-то пріѣхавшія. Я очень хорошо понимаю, что онѣ, собственно, пришли посмотрѣть на меня — рукава и

полы ихъ кацавеекъ оторочены горностаями (здѣсь вѣдь его родина), на головахъ какіе-то необыкновенные платки. Все время за перегородкой слышалъ ихъ хихиканье и чувствовалъ двѣ пары любопытныхъ глазъ, устремленныхъ на меня сквозь щель. Что же — я вполнѣ понимаю ихъ: мой пріѣздъ въ эти края — событіе, по которому будутъ отсчитывать время. — «Это, — скажутъ, — случилось какъ разъ въ ту зиму, когда у насъ былъ дядюшка въ очкахъ».—

На дняхъ здѣсь будетъ якутское собраніе — съѣдутся князцы, старшины, капралы со всѣхъ сторонъ. Выборный просилъ меня помочь имъ по счетоводной и письменной части — у нихъ, конечно, нѣтъ ни одного грамотѣя. Буду, значитъ, писаремъ — «суруксутъ». Удобный случай узнать лучше ихъ бытъ.

13 ноября.

Сегодня сдѣлано важное завоеваніе. Уже давно я мечталъ о собственномъ тордохѣ, который бы я могъ возить съ собой вмѣстѣ со своей желѣзной печкой. Съ тордохомъ я былъ бы независимъ отъ человѣческаго жилья и могъ бы поставить его въ какой угодно пустынѣ, лишь бы было кормовище для оленей. Не страшны были бы пурги, которыя я могъ бы переждать въ своемъ «домѣ», не надо было бы заѣзжать въ вонючія и грязныя юрты якутовъ. Но какъ достать его, какъ заказать, накопить шкуры и сшить? И я почти отказался отъ этой мечты. Но сегодня я получилъ обѣщаніе почти навѣрняка достать такой тордохъ. Отъ кого? Конечно, отъ Марьи-эмяксинъ. Робко и съ отступленіями завелъ объ этомъ рѣчь съ выборнымъ, но она прервала насъ. — «Зачѣмъ говоришь выборному, что онъ тебѣ сдѣлаетъ? (пренебрежительный кивокъ въ его сторону). Говори мнѣ». — И въ четверть часа дѣло было сдѣлано. Да здравствуетъ эмяксинъ Марья! Я совершенно завоевалъ ея сердце, подаривъ ей нѣсколько коробокъ съ сушеной зеленью — въ благодарность она мнѣ послала бѣлаго хлѣба, которому я очень радъ, такъ какъ не видалъ его уже восемь мѣсяцевъ. Но тордохъ, тордохъ это важнѣе всего, онъ окрыляетъ мои мечты. Мечтаю очутиться скорѣе въ немъ среди пустыни, чтобы верстъ на 200—300 кругомъ не было человѣ-

ческаго жилья, чтобы слѣдъ мой для всѣхъ затерялся среди снѣговъ, морозовъ, тумана и пургъ... Силы небесныя, исполните мою мольбу!

15 ноября. Вечеромъ.

Сенсаціонное извѣстіе — изъ Усть-Янска катитъ сюда исправникъ. Это мнѣ очень и очень не нравится, потому что его пріѣздъ не только можетъ сломать мои планы, но и навѣрное ихъ сломаетъ. Шутъ его несетъ въ этомъ году такъ рано. Трудно себѣ представить, какую суматоху вызвала здѣсь вѣсть объ его пріѣздѣ, да и я, по правдѣ сказать, сильно разволновался, привыкнувъ въ этомъ медвѣжьемъ углу къ тихой жизни. Смотрю на этотъ пріѣздъ, почти какъ на несчастье.

А два дня тому назадъ почти на цѣлыхъ два мѣсяца совсѣмъ спряталось солнце. A rivederci!

16 ноября.

Благодаря исправнику изъ казеннаго дома мнѣ пришлось перебраться, но я, кажется, только выгадалъ. Тамъ было очень холодно, и у меня не на шутку заболѣли горло, шея и спина — и кромѣ того тамъ былъ невозможный столъ: приходилось за нимъ писать и руками и ногами, такъ какъ столъ каждую минуту грозилъ паденіемъ и надо было его поддерживать все время ногами почти на вѣсу. Въ новой юртѣ теплѣе (есть даже желѣзная печка, которая, впрочемъ, безбожно дымитъ), столъ очень устойчивъ и нѣтъ крикливыхъ ребятишекъ — вотъ сколько достоинствъ!

18 ноября.

Какъ маятникъ, я качаюсь изъ стороны въ сторону: отъ надежды къ огорченіямъ. Взять хотя бы этотъ самый тордохъ. Сегодня мнѣ сообщили, что Марья-эмяксинъ потерпѣла неудачу въ поискахъ... Это сообщеніе повергло меня въ отчаяніе и я началъ хлопотать о тордохѣ самъ, хотя Марья обѣщаетъ раздобыть тордохъ по прежнему. Почему-то вѣра въ ея всемогущество у меня ослабѣла. Мысль о тордохѣ сегодня мнѣ долго не дастъ уснуть...

А исправника все еще нѣтъ...

19 ноября.

Получилъ очень непріятное извѣстіе — маленькій юкагиренокъ, сынъ Тыкыллы, котораго я лечилъ отъ

бронхита, умеръ. Вѣроятно, его сильно застудили, когда везли отъ кочевья къ юртамъ. Бѣдный старикъ, всѣ надежды и жизнь онъ вложилъ въ своего маленькаго наслѣдника, которымъ не могъ надышаться, для котораго берегъ всѣ свои стада оленей... Теперь у старика самого обмороки съ горя.

Что это? Смерть сопровождаетъ меня. Она пришла вмѣстѣ со мною въ Русское Устье и теперь снова появилась при моемъ отъѣздѣ...

Сейчасъ самое глухое и темное время года. Часовъ съ 8—9 на востокѣ появляется розовая полоска, которая растетъ къ полудню, принимая всѣ оттѣнки краснаго, — къ двумъ часамъ она уже гаснетъ, а въ три блещутъ звѣзды. То, что можно назвать днемъ и что по нашему надо назвать сумерками, длится отъ 11 до 1 часа, и въ это время свѣтъ такъ скупо пробивается сквозь оконную толстую льдину, что лишь съ большимъ напряженіемъ можно писать около окна. Тусклое, скучное время. Но лунныя ночи блистательны. Прекрасны въ черныя ночи и звѣзды.

Есть слухъ, что сюда ѣдетъ изъ Усть-Янска якутскій купецъ. А вдругъ онъ мнѣ везетъ письма? Нѣтъ, это невозможно...

21 ноября.

Завтра мои посылки идутъ въ Усть-Янскъ, и пришла пора мнѣ разставаться съ этой тетрадью. Ей суждена лучшая доля, чѣмъ мнѣ — она поѣдетъ далеко, далеко...

